

ПЕТЕРБУРГЪ, КАБИНЕТСКАЯ, Д. 18.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

ШКОЛА и ЖИЗНЬ

L'ÉCOLE ET LA VIE

Schule und Leben — School & Life

Проф. Людвигъ Турлиттъ.

О ВОСПИТАНІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ Д-РА Л. Г. ОРШАНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Введение	3
Предисловіе	11

КНИГА ПЕРВАЯ

ПУТИ И ЦЪЛИ ЕСТЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ.

Глава I. Общепригодной для всѣхъ педагогики не существуетъ	15
» II. Что даетъ природа ребенку? <i>(Знакомство с природой)</i>	18
» III. Происхожденіе господствующихъ системъ воспитанія	25
» IV. Что должна дать новая педагогика?	34
» V. Естественное воспитаніе <i>(Свобода)</i>	40
» VI. Примѣръ и привычка	52
» VII. Долгъ	60
» VIII. Конфликты	66
» IX. Личность	72

КНИГА ВТОРАЯ

ОПЫТЫ НОВАГО ВОСПИТАНІЯ.

	СТР.
Глава X. Два поколѣнія	81
» XI. Какъ избѣжать конфликтовъ?	88
» XII. Дѣтскіе недостатки	99
» XIII. Художественное образованіе	134
» XIV. Воспитаніе воли	138
» XV. Воспитаніе дѣвочекъ	146
» XVI. Учебныя заведенія	152
» XVII. Физическое воспитаніе	158
» XVIII. Культурныя формы общенія	166
» XIX. Заключение	170

А. М. Соловьев.

Судьбы русскаго просвѣщенія уже очень давно связаны тѣсно и многосторонне съ нѣмецкой культурой. Это фактъ первостепенной жизненной важности; съ нимъ приходится считаться всякій разъ при разрѣшеніи трудныхъ вопросовъ нашей жизни. Попытка разобраться въ очередномъ вопросѣ часто намъ не удается—оказывается, что родина нашей, якобы русской, болѣзни—Германія. Тамъ корни—оттого и наши домашнія, самодѣльные средства не помогаютъ. Такими русскими недугами нѣмецкаго происхожденія должны считаться почти всѣ болѣзни нашего домашняго и школьнаго образованія, какъ, напр., огромный притокъ безларной дѣтской литературы рыночнаго производства, глубокій разладъ между книжными знаніями и живыми нуждами нашихъ дѣтей, допотопныя представленія о задачахъ и законныхъ формахъ дисциплины, наслѣдственно воспринятое, но мало обоснованное убѣжденіе старшихъ—родителей и педагоговъ,—въ своей непогрѣшимой подготовленности къ дѣлу воспитанія, въ своей разъ навсегда предрѣшенной правотѣ во всѣхъ конфликтахъ съ дѣтьми.

Русская критическая мысль неоднократно пыталась вскрыть и, если можно, излѣчить то одну, то другую болѣзнь,—извѣстно, что это пока мало удавалось. Поэтому насъ особенно должна интересовать всякая критическая работа, сдѣланная въ Германіи и направленная противъ нѣмецкой культуры. Германія—страна образцоваго самодовольства—въ наукѣ, политикѣ, литературѣ, въ обыденной жизни. И если у насъ легко критиковать, потому что всегда можно рассчитывать на сочувствіе достаточнаго числа чѣмъ нибудь недовольныхъ людей, то въ

Германіи надо имѣть мужество, большое мужество для критики существующаго благополучія, для омраченія всюду разлитой улыбки.

Въ области воспитанія — понимая это слово въ его огромномъ значеніи — вотъ уже около десяти лѣтъ раздается мощный, рѣзкій, увѣренный въ себѣ голосъ нѣмецкаго педагога Людвигъ Гурлитта.

Дѣятельность Гурлитта составитъ несомнѣнно эпоху въ дѣлѣ переустройства основъ нѣмецкаго воспитанія, и въ ряду другихъ педагоговъ — реформаторовъ послѣдняго времени онъ занимаетъ особое мѣсто: Гурлиттъ началъ съ частныхъ вопросовъ образованія и воспитанія и, идя на встрѣчу запросамъ жизни, захватывалъ все болѣе и болѣе широкія области, нуждающіяся въ обновленіи. Для каждой новой задачи онъ черпалъ матерьялъ изъ своихъ наблюденій за 25 лѣтъ преподавательской работы. Онъ примкнулъ къ группѣ, откуда вышли Гансбергъ, Вольгасть, Шарельманъ, Б. Отто, Панвицъ и др., но онъ дѣлаетъ свою работу не какъ узко-школьную, а какъ существенную часть созданія новаго соціальнаго строя. Поэтому онъ столько же говоритъ о школѣ, какъ и объ домашней жизни ребенка, столько же о дѣтяхъ, сколько и о родителяхъ — иногда о послѣднихъ даже больше, чѣмъ о дѣтяхъ.

Интересно прослѣдить, какъ сама жизнь, неотложные вопросы воспитанія постепенно подготовляли общественное выступленіе человѣка, съумѣвшаго 25 лѣтъ владѣть собою, быть учителемъ въ прусскихъ гимназіяхъ, получать одобренія начальства, а въ глубинѣ души переживать сомнѣнія, колебанія, наконецъ, отрицаніе, которое у человѣка съ такимъ пламеннымъ темпераментомъ, какъ у Гурлитта, вылилось сразу въ форму открытаго, беспощаднаго возстанія противъ нѣмецкой казенной школы, дальше противъ педагогическихъ теорій, питающихъ эту школу; противъ предразсудковъ, столь опасныхъ, потому что они принимаются просто на вѣру.

Первый толчокъ былъ случайный. Въ отвѣтъ на рѣчь одного виднаго чиновника министерства народнаго просвѣщенія, хвалившаго конечно послушаніе, вѣру въ авторитетъ, предостерегавшаго отъ критическихъ оны-

товъ, исканій новыхъ путей, Гурлиттъ позволилъ себѣ въ тотъ же день высказаться за самостоятельное мышленіе, за опасность на вѣру принимаемаго авторитета. Въ сущности вещи—не новыя, ни для кого не опасныя, но начальство вскорѣ прислало изъ Берлина степеннаго чиновника для усовѣщеванія, повидимому, поавшаго на опасный путь педагога. Предполагалось, что еще не поздно спасти несчастнаго, но послѣдній оказался несговорчивымъ. Начальство выразило сожалѣніе—пришлось оставить мѣсто, чтобы зараза не воздѣйствовала на окружающихъ. Министерство могло остаться довольнымъ: большинство коллегъ отшатнулось отъ Гурлитта, сдѣлало это такъ, чтобы ихъ несочувствіе всѣмъ видно было. Доступъ къ дѣтямъ былъ отрѣзанъ опасному педагогу.

Но Гурлитту открылось нѣчто несравненно большее—свобода слова, обращеннаго ко всей мыслящей Германіи и къ тѣмъ, кто питается Германской педагогической мудростью. По счастью, долгая педагогическая работа оставила совершенно нетронутымъ огромный темпераментъ Гурлитта, здоровое настроеніе, жизнерадостность, дающую ему возможность цѣнить все бодрящее, молодое. Къ этому надо присоединить живой стиль, дѣлающій его книги какъ бы собраніемъ рѣчей, разностороннее общее образованіе и знаніе иностранной жизни—и станетъ понятнымъ, почему этотъ недавно извѣстный лишь специалистамъ учитель латинскаго языка сталъ однимъ изъ популярнѣйшихъ писателей Германіи.

Гурлиттъ написалъ за 10 лѣтъ очень много, изъ крупныхъ его работъ необходимо упомянуть слѣдующія.

Одной изъ раннихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе интересныхъ книгъ Гурлитта является: «Der Deutsche und Sein Vaterland 1902 г.» «Нѣмецъ и его отечество»—политика—педагогическія размышленія модерниста. Эти книги, говоритъ авторъ, выросли изъ желанія выяснить себѣ средства воспитанія у нѣмецкой молодежи любви къ отечеству. Вопросы воспитанія—національные вопросы. Однако часто забывается, что къ воспитательной работѣ призваны многіе, кромѣ профессиональных «воспитателей». Вся книга—протестъ противъ шовинизма

въ школѣ, противъ искусственнаго патриотизма. «Любовь къ отечеству не есть предметъ преподаванія, ей нельзя научиться.» Любовь къ родинѣ, уваженіе къ своему государству, глубокое національное чувство Гурлиттъ считаетъ очень важнымъ, но онѣ зарождаются только тамъ, гдѣ государство преслѣдуетъ высокія идеальныя цѣли и гдѣ граждане пользуются уваженіемъ со стороны властей. Гурлиттъ крайне рѣзко, откровенно характеризуетъ грубость нѣмецкаго государственнаго механизма «унтерофицерскій духъ,» гдѣ всякій полицейскій съ высоты величія глядитъ на пропасть, отдѣляющую его отъ «обыкновеннаго» человѣка. Авторъ параллельно описываетъ англійскій строй, высокую цѣнность личности, порядокъ безъ жесткихъ тисковъ.

Гурлиттъ особенно подробно разбираетъ угнетающія условія нѣмецкой средней школы, гдѣ учителя вѣчно лишь слѣдятъ, поправляютъ, критикуютъ, ставятъ отмѣтки, пишутъ отзывы, выдумываютъ головомныя экзаменціонныя задачи. — «Такъ можно создать хорошихъ чиновниковъ и солдатъ, но не свободныхъ крѣпкихъ волей людей.» Отсюда уже недовольство у дѣтей; позднѣе грубый рѣжимъ держать въ страхѣ и недовольствѣ взрослыхъ.

Откуда взяться любви къ родинѣ? Нужно единеніе школы и семьи; нужны общественные и государственные идеалы, которые привлекутъ сердца юношества—тогда любовь къ отечеству будетъ естественнымъ чувствомъ, педагоги могутъ перестать старательно насаждать это нѣжнѣйшее чувство. Въ общемъ эта книга любви къ отечеству и негодованія къ тѣмъ людямъ и условіямъ, которые душатъ и уродуютъ эту созидательную силу.

Затѣмъ идетъ рядъ статей по отдѣльнымъ вопросамъ, напр., «воспоминанія о профессорѣ Курціусѣ,» гдѣ онъ разбираетъ вопросъ о классическомъ образованіи въ связи съ современностью, небольшая книжка: «Самоубійства въ школѣ»—вопросъ, который лишь теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ работъ Гурлитта, выясняется во всемъ своемъ ужасѣ. И здѣсь всего плодотворнѣе было то, что Г. поставилъ анализъ этой величайшей трагедіи дѣтской жизни на очень широкую почву: онъ ищетъ причины за предѣлами школы; конечно,

виновата часто школа, но то, въ чемъ она виновата, есть малая часть общаго строя нѣмецкой жизни: неуваженіе къ личности, холопство предъ начальствомъ, преслѣдованіе въ воспитаніи цѣлей, чуждыхъ современной жизни, боязнь протеста, часто жестокость и грубость.

Зло, трагедія школы выясняется здѣсь въ своемъ социальномъ значеніи. Смѣлость открытаго признанія отрицательныхъ сторонъ общественной жизни, еще больше временнаго извращенія національнаго нѣмецкаго характера дѣлаетъ эту брошюру Гурлитта, истиннаго патріота, цѣннымъ памятникомъ по исторіи нѣмецкой культуры нашего времени.

Въ своей книгѣ: «Schule und Gegenwartskunst» (школа и современное искусство) 1907 г. онъ ставитъ слѣдующій вопросъ: «какъ относится наша (нѣмецкая) школа къ современному искусству?» и тутъ же отвѣчаетъ: «большей частью враждебно или безразлично». Доказательства берутся имъ изъ исторіи современной архитектуры, скульптуры, живописи, новаго прикладнаго искусства, лучшія произведенія которыхъ совсѣмъ игнорируются школой и имена новыхъ творцовъ остаются юношеству неизвѣстными.

Но не только живопись, скульптура и др. остаются чуждыми современной школѣ, гдѣ проповѣдуется лишь старое, какъ единственно достойное удивленія, и внушается убѣжденіе что искусство давно вступило на путь упадка—и современная литература не имѣетъ доступа въ школу. Она завоевываетъ молодежь тайкомъ, внѣ школы, урывками, и потому далеко не въ лучшихъ своихъ созданіяхъ. Гурлиттъ подробно останавливается на изученіи въ школѣ литературы, и какъ во всѣхъ своихъ другихъ сочиненіяхъ, проводитъ основную мысль: «наши задачи—въ настоящемъ и будущемъ; сюда надо направить нашу работу, не на разглядываніе прошлаго. Впередъ, а не назадъ!» Сколько напрасной работы уходитъ на введеніе насъ въ далекое прошлое. Воспитаніе каждаго ребенка начинается въ школѣ съ сотворенія міра, съ Адама и Евы. Въ средніе вѣка точно также начинали исторію каждаго нѣмецкаго города съ разрушенія Трои, бѣгства Энея, основанія Рима. Предпола-

гается, что ребенокъ только тогда пойметъ настоящее, когда онъ ознакомится со всѣмъ прошлымъ отъ грѣхопаденія и изгнанія изъ рая, убійствѣ Авеля. Г. говоритъ: «все различіе между старой и новой педагогикой и заключается въ томъ, что раньше все воспитаніе строилось на благоговѣніи къ прошлому, какъ къ единственному образцу; мы обращаемся къ современной жизни и къ вѣчно юной природѣ». Какъ видно, и здѣсь частный вопросъ—искусство и литература въ школѣ—приводитъ Гурлитта къ требованію основной перестройки воспитанія, къ требованію новыхъ основъ.

Очень большое вниманіе обратила на себя книга Гурлитта: «Der Verkehr mit meinen Kindern» 1908. (Общеніе съ моими дѣтьми). Это—исторія семьи, гдѣ отношенія между взрослыми и дѣтьми основаны на одинаковомъ взаимномъ уваженіи, на знаніи психологіи возраста, на признаніи правъ дѣтства, на постепенномъ ознакомленіи дѣтей съ внѣшнимъ міромъ въ тѣхъ его явленіяхъ, которыя интересны именно дѣтямъ, а не взрослымъ. Воля родителей въ этой семьѣ не есть право, предъ которымъ непременно должна смириться воля ребенка. Это совмѣстная жизнь безъ насилія, непонятнаго послушанія, наказаній. Непривычному читателю многое можетъ показаться анархіей, настолько здѣсь отсутствуетъ все, что принято встрѣчать въ обычно дрессированной семьѣ. Однако—на то имѣются доказательства—дѣти Г. хорошо воспитаны, идутъ хорошо въ школѣ, не вносятъ разстройствъ въ жизнь взрослыхъ. Г. даетъ подробную автобіографію своей семьи: прогулки съ дѣтьми и отвѣты на всѣ ихъ вопросы; близкое знакомство съ животными и растеніями; съ памятниками данной мѣстности, съ бытомъ разныхъ народовъ. Все видѣнное зарисовывается и записывается, а дома дополняется объясненіями и чтеніемъ. Такъ получается глубокий интересъ ко всякому впечатлѣнію, приобретаются легко свѣдѣнія, образуется крѣпкая связь съ родиной—зарождается любовь къ своему, родному. Интересы ребенка растутъ; проявляются всѣ индивидуальныя особенности—и такое общеніе ведетъ къ высшей цѣли воспитанія: къ развитію личности. Нѣкоторые критики счи-

таютъ эту книгу самымъ замѣчательнымъ изъ всего, что написалъ Г. и предсказываютъ ей надолго вліяніе. Недавно вышла въ свѣтъ послѣдняя работа проф. Гурлитта, которую онъ самъ считаетъ сводкой всѣхъ своихъ размышленій и опыта. Со времени Спенсера никто такъ широко и глубоко не разрабатывалъ проблемы воспитанія, какъ Гурлиттъ. На семью онъ смотритъ какъ на основу общества, государства, соціального строя. Воспитаніе есть поэтому величайшая задача человѣка. А между тѣмъ родители и педагоги невѣроятно мало и постыдно плохо подготовлены къ своему дѣлу. Хуже всего, что они считаютъ себя—родители просто потому именно, что они родили дѣтей, педагоги потому, что они имѣютъ мѣсто въ учебномъ заведеніи—на высотѣ призванія и никогда, или очень рѣдко (это считается плохимъ признакомъ) на мгновеніе сомнѣваются въ своей непогрѣшимости. Гурлиттъ первый рѣзко, иногда грубо называетъ вещи своими именами, раскрываетъ предъ всѣми несостоятельность родителей и педагоговъ. Замолчать его книгу нельзя, и она заставитъ много родителей впервые задуматься, усомниться въ себѣ. Глава о конфликтахъ—это давно назрѣвшее обвиненіе взрослыхъ въ непониманіи дѣтей. Гурлиттъ является другомъ дѣтей, пламеннымъ защитникомъ ихъ интересовъ, врагомъ ихъ притѣснителей. Онъ говоритъ, что если бы собрать всѣ дѣтскія обиды, то это былъ бы ужасный мартирологъ. Можно прибавить, что если бы дѣти узнали, что Г. собираетъ матерьялъ по исторіи дѣтскихъ печалей, они дали бы ему безконечный матерьялъ.

Книга о воспитаніи является однако не такимъ личнымъ созданіемъ Г. какъ его предыдущія работы. Она излагаетъ взглядъ цѣлой группы единомышленниковъ—реформаторовъ. Такимъ образомъ русскій читатель познакомится здѣсь съ цѣлымъ направленіемъ, о которомъ до насъ доходятъ лишь отрывочными свѣдѣніями.

Наши невзгоды домашней и школьной жизни ребенка уже давно вызываетъ къ жизни попытки частичнаго обновленія воспитанія. Но частичное исправленіе не поможетъ. Вотъ почему такъ мало, а иногда такъ

неудачно протекають опыты «новаго», «свободнаго» воспитанія. Пусть книга Гурлитта покажетъ всякому кто любитъ дѣтей и чувствуетъ свой долгъ предъ ними, что большинство современныхъ хозяевъ воспитанія—родителей и педагоговъ—не подготовлены къ своей работѣ.—Въ пору унынія бодрая, смѣлая, вся обращенная къ будущему книга въ защиту дѣтей завоюетъ и у насъ сердца, какъ у себя на родинѣ.

Левъ Оршанскій.

8 Мая 1911 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уже нѣсколько лѣтъ я занятъ мыслью о книгѣ, въ которой я изложилъ бы результаты моей практики и размышленій о воспитаніи нѣмецкаго юношества. Нѣсколько разъ брался я за работу и бросалъ ее, потому что она казалась мнѣ невыполнимой. Дѣло въ томъ, что мнѣ хотѣлось сравнить и согласовать мои взгляды съ взглядами старыхъ и современныхъ педагоговъ; мнѣ хотѣлось свести всякую мысль къ ея первоисточнику, и не выдать за свое то, что въ прошломъ или теперь, у насъ или на чужбинѣ, было уже однажды высказано. Другими словами: я хотѣлъ самъ исторически и документально опредѣлить мое мѣсто въ педагогикѣ—работа, которую мой другъ Рудольфъ Панвицъ мнѣ посовѣтовалъ предоставить лучше современникамъ, еще лучше—будущему. Онъ же и далъ мнѣ смѣлость оставить въ сторонѣ другихъ педагоговъ и, не считаясь ни съ чѣмъ, ничего не смягчая, написать свою собственную педагогику. Мнѣ говорятъ, что въ Германіи есть даже достаточно людей, которымъ интересно знать, что я думаю объ этихъ вопросахъ. Что писалъ Руссо, Фребель, Песталоцци—они знаютъ.

И потому я оставилъ историческую работу.

Такимъ образомъ книга моя родилась быстро—нѣсколько недѣль работы, я сказалъ бы—безъ труда, потому что мысли мои созрѣли. Въ нихъ нѣтъ ничего выдуманнаго, вычитаннаго, ничего искусственно построеннаго, но все, что въ ней есть, я самъ пережилъ, самъ переиспыталъ, самъ для себя создалъ. Къ удивленію и ужасу моихъ строгихъ критиковъ въ книгѣ ни одной цитаты, совсѣмъ не работа филолога, а между тѣмъ я 25 лѣтъ жилъ филологіей. Что такое отступничество удалось мнѣ въ мои слишкомъ 50 лѣтъ—считается моими прежними товарищами по профессіи измѣной, я же вижу въ этомъ признакъ физическаго и духовнаго оздоровленія. Это единственное, чѣмъ я нѣсколько горжусь.

Л. Гурлиттъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Пути и цѣли естественнаго
воспитанія.

ГЛАВА I.

Общепригодной для всѣхъ педагогики не существуетъ.

Написать книгу о воспитаніи возможно лишь при точномъ знакомствѣ съ тѣми, кто подлежитъ воспитанію, и яснымъ сознаніи того, къ чему они должны быть воспитаны.

Обоимъ этимъ условіямъ существующія педагогическія руководства не удовлетворяютъ: ихъ авторы не знаютъ физическихъ и умственныхъ способностей ребенка и всѣхъ возможностей его развитія, они не ставятъ себѣ общей для всѣхъ, опредѣленной и дѣйствительной цѣли воспитанія. То, что имъ представляется цѣлью, обусловливается ихъ національной, политической, религіозной, моральной и иной партійностью. Воспитатели полагали до сихъ поръ, что вполнѣ удовлетворительно выполняли свои обязанности, разъ только они старались формировать своихъ воспитанниковъ по своему образу и подобию. Они ставили себя или вѣрнѣе парящей въ ихъ воображеніи идеаль образованія, какъ цѣль, и въ лучшемъ случаѣ достигали того, что воспитанники становились ихъ подобіями и, слѣдовательно, такъ сказать, воплощали воспитательный застой, или же они въ заранѣе предначертанномъ направленіи развитія подчинялись такому воспитанію, цѣль котораго была основана не на требованіяхъ индивидуальной природы воспитуемыхъ, а на произволѣ предыдущихъ поколѣній.

И воспитатели почти всегда достигали своими усиліями и стараніями желаемого. Цѣлыя культуры съ незапамятныхъ временъ возникли подобнымъ образомъ: предыдущія поколѣнія переносили на послѣдующія всю сумму своего жизненнаго опыта и свои жизненные идеалы. Результатомъ этого былъ медленный, но безостановочный прогрессъ массъ. Такимъ образомъ возникли и сложились кастовыя культуры классовыхъ правителей, духовенства, дворянства, военныхъ, различныя профессіи, какъ то: чиновники, художники, техники, ремесленники, земледѣльцы, моряки и т. д. Подобное воспитаніе народныхъ массъ и общественныхъ группъ имѣетъ огромную цѣнность и значеніе, какъ уравненіе и справедливое распредѣленіе силъ на всѣ соціальныя задачи жизни, которыя могутъ быть хорошо выполнены только при разумномъ распредѣленіи труда. Поэтому съ первобытныхъ временъ и до нашихъ дней ясно опредѣленное профессиональное и со-

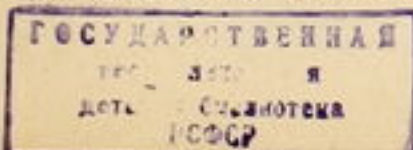
словное образованіе все еще есть самое разумное и самое успѣшное. Благодаря переходящей отъ поколѣнія къ поколѣнію традиціи растетъ опытъ, увеличиваются знанія, быстрѣе подвигается дальнѣйшее умственное развитіе и все это, вмѣстѣ взятое, служитъ на пользу каждой отдѣльной личности. Это— настоящая здоровая традиція; на ней основывается авторитетъ, котораго ни одинъ разумный человѣкъ не захочетъ поколебать. Сама жизнь и общество создали этотъ авторитетъ, а поэтому это— здоровое, естественное явленіе, составляющее равноправное достояніе каждого члена общества и воспринимаемое каждымъ не какъ насиліе или что-то чуждое, а какъ часть собственнаго организма. Члены цеховъ сами никогда не возставали противъ своего цеха. Именно благодаря цеху чувствовали они себя въ безопасности, обезпеченными и сплоченными. Цехъ же давалъ возможность каждой отдѣльной личности развернуть всѣ свои силы. Нападки на цехи явились извнѣ, и въ наши дни есть достаточно оснований сомнѣваться, было-ли благодѣяніемъ уничтоженіе цеховъ.

Такъ расходятся теорія и практика существующихъ методовъ воспитанія. Тому, кто станетъ это оспаривать, мы можемъ это, такъ сказать, наглядно доказать. Наши народныя школы поставили себѣ задачей воспитывать дѣтей въ церковно-христіанскомъ и патріотическомъ духѣ. На вопросъ, насколько успѣли они въ этомъ на практикѣ—отвѣтили германскіе социалисты тремя милліонами голосовъ, единодушно высказавшихся противъ церкви и существующаго монархическаго правленія. Такимъ образомъ самая многочисленная партія въ Германіи не признаетъ существующаго воспитательнаго метода и характеризуетъ его такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности: религіозной и партійно-политической дрессировкой. Гораздо важнѣе тотъ фактъ, что въ Германіи вообще существуетъ такая многочисленная антиклерикальная и антипатріотическая партія. Уже одно ея существованіе— жестокій приговоръ господствующему государственному воспитательному методу. И этимъ же самымъ доказывается вся шаткость и непригодность ограниченнаго, преднамѣреннаго и тенденціознаго воспитанія. Неоспоримо, что удастся воспитать вѣрующихъ католиковъ, правовѣрныхъ протестантовъ, фанатическихъ консерваторовъ и радикальныхъ социаль-демократовъ. Но подобные результаты радостно привѣтствуются только партійными приверженцами. Стоящіе же внѣ всякихъ партій считаютъ подобное воспитаніе ошибочнымъ, неудачнымъ. И какъ реакція, регулярно наступаетъ поворотъ въ противоположную сторону. И вотъ мы видимъ, что сыновья пасторовъ становятся самыми яркими вольнодумцами, а клерикально поработанные народы цѣной кровавыхъ революцій отвоевываютъ себѣ право неограниченной свободы вѣры. Если мы, какъ посторонніе свидѣтели и не причастные къ

дѣлу, станемъ присматриваться къ религіозной дрессировкѣ молодыхъ китайцевъ или юныхъ буддистовъ, то она намъ покажется какимъ-то безнравственнымъ насиліемъ надъ человеческой личностью. Наоборотъ, достаточно намъ хоть разъ стать на точку зрѣнія буддиста и присмотрѣться къ религіозному обученію нашихъ дѣтей во всѣхъ школахъ и безчисленныхъ семьяхъ, чтобъ научиться презирать подобный способъ обученія. Религія родителей, случайныхъ наставниковъ, членовъ училищнаго совѣта или министерства, ихъ политическое и социальное положеніе не должны ни въ какомъ случаѣ вліять на воспитаніе дѣтей. Это выводъ всего нашего современнаго культурнаго развитія. Мы не знаемъ, что готовитъ судьба нашимъ дѣтямъ черезъ двадцать — тридцать лѣтъ, и какъ и во что разовьется вся наша жизнь. Поэтому то мы не имѣемъ никакого права налагать какія бы то ни было оковы или ограничивать чѣмъ либо дѣтское развитіе.

Наша система воспитанія должна указать тому, кто вообще доступенъ новому и не считаетъ возможнымъ удовлетвориться старымъ и механически-повторяемымъ — т. е. современному воспитателю тѣ средства, которыми онъ можетъ успѣшнѣе всего такъ подготовить своего воспитанника къ жизни, чтобы тотъ, своими силами, могъ справиться въ потокѣ всей духовной работы настоящаго и будущаго.

Задача всякаго послѣдующаго поколѣнія — превзойти предшествующее, поэтому молодое поколѣніе не нуждается въ указаніи опредѣленной цѣли, напротивъ—оно должно ихъ отбросить, какъ явный тормазъ. Оно нуждается для самостоятельнаго развитія только въ нѣкоторой помощи и ориентировкѣ. Въ болѣе зрѣломъ возрастѣ мы всѣ очень критически относимся къ нашимъ воспитателямъ. Въ большинствѣ случаевъ мы осуждаемъ всѣ старанія и дѣйствія нашихъ старыхъ педагоговъ, не сумѣвшихъ понять ни насъ, ни ожидающаго насъ будущаго, ни даже отдаленно предвидѣть его. Поэтому мы, большей частью, чувствуемъ въ нихъ не благодѣтелей, а притѣснителей; не питаемъ къ нимъ благодарности, а одно лишь осужденіе, и хотя признаемъ ихъ благія намѣренія, но улыбаемся надъ ихъ неумѣлостью. И во всякомъ случаѣ мы чувствуемъ, что мы ихъ переросли и сожалѣемъ, что намъ не выпало счастья имѣть такихъ воспитателей, которые намъ, теперь взрослымъ, кажутся образцами. Наши воспитатели служили тому, что тогда ужъ было прошлымъ; они благоговѣли передъ этимъ мертвымъ, они хотѣли и насъ принудить къ восхищенію нашими предками и давно исчезнувшими культурами. Они приходили въ ужасъ, когда юный умъ пробуждался и дерзалъ высказывать мысль, что и въ будущемъ можетъ быть создано столь же великое и

553662

вѣчное; или, о сугубая дерзость, осмѣливался дать понять, что онъ самъ не прочь выступить противъ этого прошлаго и помѣриться силами. Все это считалось, да и теперь еще считается, непристойностью. Все новое—есть грѣхъ. Скачекъ въ будущее есть скачекъ во тьму. Педагоги держатся давно-принятаго, вѣчныхъ истинъ. Конечно, едва-ли существуетъ бесспорный опытъ, еще меньше, конечно, существуетъ вѣчная истина. Каждая эпоха по своему оцѣниваетъ то, что было до нея, и каждая личность требуетъ себѣ права чеканить новыя цѣнности. Явленія имѣютъ только ту цѣнность, какую мы имъ сами придаемъ. Самое драгоцѣнное для меня не имѣетъ никакой цѣны, если я самъ не придаю ему этого. Я совершенно равнодушенъ къ брилліантамъ, и кусокъ блестящаго стекла представляетъ въ моихъ глазахъ такую же цѣнность, какъ и самый большой брилліантъ въ королевской коронѣ. Такимъ образомъ, человекъ есть и былъ, во всѣ времена, мѣриломъ всѣхъ явленій.

Итакъ, вѣковѣчной системы воспитанія не существуетъ. Каждая эпоха будетъ приноравливать къ своимъ требованіямъ и потребностямъ воспитаніе юношества. Такимъ образомъ воспитаніе, подобно каждому жизненному явленію, подчиняется закону развитія.

ГЛАВА II.

Что даетъ природа ребенку?

Система воспитанія тогда только возможна, когда, во первыхъ, возможно установить врожденные силы ребенка, во вторыхъ, какими средствами можно воздѣйствовать на нихъ и въ третьихъ, чего хотятъ достигнуть этимъ воздѣйствіемъ.

Мы въ настоящее время еще не владѣемъ такимъ точнымъ знаніемъ дѣтской души. Правда, собрано множество отдѣльныхъ наблюдений, но мы еще далеки отъ того, чтобы имѣть, основанную на наукѣ и примѣнимую къ каждому единичному случаю, психологію дѣтской души. Да и не удастся никогда достигнуть такого глубокаго и охватывающаго всѣ возможности знанія. И какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ждуть отъ воспитанія оздоровленія, т. е. въ случаяхъ аномалій, общей психологіей ничего не достигается.

О первыхъ пяти годахъ жизни ребенка мы, по личнымъ воспоминаніямъ, почти ничего не знаемъ. А между тѣмъ всѣ наблюденія указываютъ на то, что именно эти первыя пять лѣтъ имѣютъ самое важное значеніе для послѣдующаго развитія. Какой запасъ наблюдений, опыта, духовнаго прогресса совершается и какимъ именно образомъ — это остается не-

выясненнымъ. А между тѣмъ въ эти первыя пять лѣтъ всѣ важнѣйшія силы и способности умственной и душевной жизни уже существуютъ въ зародышѣ, и воспитаніе ничего не можетъ болѣе сдѣлать, какъ только развить эти зародыши. Прибавить же что либо новое, измѣнить то, что мы называемъ характеромъ, придать иную форму интеллекту — все это лежитъ внѣ нашихъ силъ. Когда вполнѣ выяснится, какъ велики силы пятилѣтняго ребенка и какъ ничтожна возможность преобразить эти силы—тогда только педагоги, приобретутъ скромность, въ которой они нуждаются для плодотворной работы, и критическое отношеніе ко всѣмъ прежнимъ системамъ воспитанія. Такъ какъ всѣ онѣ основаны на томъ заблужденіи, что воля воспитателя должна сдумѣть создать молодого человѣка по своему идеалу, посѣять въ немъ одни задатки, искоренить другіе, привить по собственному выбору склонности, взгляды, направить вкусъ склонность и антипатіи. Ни одинъ садоводъ или скотоводъ не станетъ идти противъ природы растений и животныхъ; они уважаютъ, подчиняются природѣ — только при воспитаніи дѣтей это уваженіе исчезаетъ.

Относительно ребенка держатся того взгляда, что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ него все, что угодно. До настоящаго времени педагогика не считается и не хочетъ считаться. Это, какъ и многое другое, есть прямое слѣдствіе церковной традиціи. Педагогика послѣдней освобождается изъ подъ власти церкви. Наши педагоги въ государственныхъ школахъ, оказывающіе огромное вліяніе и на домашнее воспитаніе, все еще по обязанности покорные слуги церкви, и поэтому они всѣ и дуалисты, и идеалисты. Они также по обязанности послѣдователи ученія о грѣховной плоти и о божественной душѣ. Божественная душа прекрасна, безпорочна, не требуетъ исправленія, а потому вся борьба, неустанно вѣдомая нашими педагогами, есть борьба противъ грѣховной плоти, стремящейся якобы низвести душу до земной мерзости.

Вліяніе вѣрованія, распространяемаго съ величайшимъ фанатизмомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, простирается далеко за предѣлы церковно-вѣрующаго круга—до послѣдней крестьянской хижины, и захватываетъ даже кругъ людей, давно уже отрѣшившихся отъ церковныхъ вѣрованій. И все наше воспитаніе все еще продолжаетъ находиться подъ вліяніемъ стараго ученія о наслѣдственной грѣховности человечества послѣ грѣхопаденія. Всѣ созданія безгрѣшны, только мы, бѣдные люди, являемся на свѣтъ грѣшниками и можемъ быть искуплены только Божіей благодатью. И это вѣрованіе легло въ основаніе всего нашего воспитанія, которое есть не что иное, какъ вѣчная борьба противъ наслѣдственнаго грѣха.

Воспитаніе, хотя и въ ограниченномъ смыслѣ, могло бы быть успѣшнымъ, если-бъ педагогика вышла изъ-подъ власти такого предубѣжденія. Ребенокъ, будь у него знаніе и опытъ, имѣлъ бы такое же право отказаться, отъ воспитателей, приверженцевъ церковныхъ вѣрованій, какое имѣетъ взрослый отвести присяжныхъ засѣдателей и судей, относящихся къ нему съ заранѣе предвзятымъ предубѣжденіемъ. Кто предвзято прежде всего видитъ въ ребенкѣ грѣшника, тотъ не можетъ относиться къ нему справедливо, а поэтому и не можетъ его воспитывать. Система воспитанія только тогда возможна, когда мы видимъ въ ребенкѣ то, что онъ есть въ дѣйствительности, т. е. часть природы, а посему мы должны воздерживаться отъ всякой оцѣнки, такъ какъ природа ни добра, ни зла. Она безразлична къ морали, какъ и ребенокъ. Моральная оцѣнка возможна лишь тогда, когда является познаніе добра и зла. Сократъ былъ совершенно правъ, говоря, что бессознательные люди безгрѣшны. Только сознаніе несправедливости или неправильности поступка даетъ возможность осудить этотъ поступокъ.

Ребенка съ его полнымъ невѣдѣніемъ жизни, очутившагося среди пестраго водоворота нашей культурной жизни, нельзя мѣрять масштабомъ нашей зрѣлой и перезрѣлой морали. Надо болѣе точно познать ребенка и данныя ему природой силы и инстинкты, прежде чѣмъ приступить къ его моральной оцѣнкѣ. Бессознательно, а потому невинно проявляются эти инстинкты, которые позже, выродившись, признаются грѣховными; но по природѣ своей они не таковы. Всѣ они коренятся въ эгоизмѣ, а это чувство есть неизбежное условіе жизни. Сильнѣйшій инстинктъ всякаго живого существа, это жить, и жить по своему. На вопросъ о цѣли жизни природа тысячею голосовъ даетъ несомнѣнный отвѣтъ: цѣль жизни есть сама жизнь! Какой еще другой цѣли искать? И притомъ жизнь соотвѣтственно врожденнымъ силамъ, т. е. природѣ. Кто поставленъ въ такія благопріятныя условія, тотъ не станетъ ломать себѣ голову надъ смысломъ и бессмысленностью жизни. Всѣ эти мудрствованія не что иное, какъ продуктъ неудавшейся жизни. Дѣльный морякъ, борющійся со штормомъ, охотникъ, выслѣживающій звѣря, архитекторъ, строящій мостъ, а также и ребенокъ, погруженный въ свои игры, застрахованы отъ подобныхъ мудрствованій. Сильный и дѣятельно пользующійся своими силами прекрасно знаетъ, зачѣмъ онъ живетъ. И для всѣхъ дѣтей, такъ же какъ и для всѣхъ животныхъ и растений, совершенно ясно, что самое важное въ жизни сама жизнь. Правда, часто повторяютъ слова поэта: «жизнь не высшее изъ благъ». Но это тогда только вѣрно, когда это вѣрно понятно. Обезцѣненная неправильнымъ воспитаніемъ и лишенная своего содержанія, обманутая, иска-

лѣченная жизнь—для нея дѣйствительно не стоитъ жить. Но здоровое, нормальное, богатое всѣми жизненными благами существованіе цѣнно и есть самое высшее благо.

Намъ обезцѣнили нашу жизнь тѣмъ, что противопоставили ей высшую духовную жизнь. Наша земная жизнь, твердятъ намъ, есть только первая ступень къ высшему небесному существованію. Блаженъ, кто вѣруетъ, но какой либо научной гарантіи или ручательства въ этомъ не существуетъ. Напротивъ, съ каждымъ новымъ шагомъ по пути научнаго прогресса выясняется, что каждое отдѣльное существо продолжаетъ жить только посредствомъ размноженія. Въ юриспруденціи есть такое старинное положеніе: *Non bis in idem*. И природа подчиняется этому положенію. У нея есть для всѣхъ ея цѣлей только одно, но за то самое вѣрное и самое необходимое средство. Ея главная цѣль—сохраненіе жизни, и она даетъ это ясно понять—каждое новое твореніе является на свѣтъ со всѣми органами размноженія. Рожденіе одного существа есть уже возможность рожденія цѣлаго ряда новыхъ существъ. Такимъ образомъ, у жизни, кромѣ цѣли самосохраненія, есть еще высшая задача: продолженіе рода. Все, что содѣйствуетъ этому жизненному побужденію, все это дѣлается людьми для сохраненія ихъ жизнеспособности и продленія рода, не можетъ быть съ естественно научной точки зрѣнія грѣховнымъ. А между тѣмъ общественная мораль больше всего клеймитъ и называетъ грѣховнымъ именно это побужденіе къ самосохраненію и размноженію.

Конечно, эта точка зрѣнія далеко не постоянная; есть страны и эпохи, когда высшей добродѣтелью считается то, что мы теперь признаемъ грѣхомъ. Проявленіе этого жизненнаго влеченія и побужденія къ продолженію рода признается и у насъ за добродѣтель, когда оно освящено законами государства, церкви и ходячей морали. Въ освященномъ церковнымъ обрядомъ брачномъ союзѣ половая жизнь считается дѣйствіемъ, согласнымъ съ Божіей заповѣдью, а плодородіе—доказательствомъ Божіей милости. Многоженство, признаваемое у насъ доказательствомъ безнравственности, даже распутства, въ другія времена и у другихъ народовъ считается напротивъ доказательствомъ высшей моральной и соціальной добродѣтели.

Ребенокъ не знаетъ о существованіи этихъ и тысячи имъ подобныхъ соціальныхъ понятій и поэтому не можетъ согласоваться съ ними. Если ребенокъ безсознательно, по невѣдѣнію, нарушаетъ права собственности, не дѣлаетъ различія между понятіемъ „твое“ и „мое“ или слишкомъ страстно проявляетъ свой эгоизмъ, то всѣ эти естественныя проявленія врожденнаго инстинкта самосохраненія вызываютъ самое сильное порицаніе нашихъ строгихъ судей нравовъ.

Кто научился мыслить естественно-научно, никогда не назоветъ этихъ естественныхъ жизненныхъ проявленій дурными поступками—пороками, потому что эти проявленія—не пороки, а факты, они присущи всѣмъ дѣтямъ, они необходимы, изъ нихъ образуется все, что потомъ будетъ сильнымъ. И еслибъ ихъ удалось дѣйствительно искоренить, то весь родъ людской прекратился бы. Безъ эгоизма не станетъ и жизни. Мы не можемъ себя обречь на смерть, чтобы сохранить другихъ. Это невѣрное ученіе, что человѣкъ долженъ развивать свои силы и способности, только чтобы увеличить силы своего рода, своей группы, своего общества, онъ долженъ оставить въ наслѣдство своему потомству все богатство своихъ силъ и способностей. Только имущій можетъ оказывать благодѣянія, только сильный—удѣлить другому отъ своихъ силъ. Самоотреченіемъ и отказомъ отъ своей собственной жизни мы не принесемъ никакой пользы, другимъ. Мы не имѣемъ права и нашихъ дѣтей воспитывать въ духѣ самоотреченія. Въ общемъ говоря, мы не имѣемъ права не уважать природу и проповѣдывать культуру, которая хочетъ быть чѣмъ то инымъ, нежели опредѣленной формой жизни согласно природѣ.

Воспитаніе возможно было бы и дѣйствительно, еслибъ воспитатель, исходя изъ этого правильнаго пониманія природы, особенно дѣтской природы, нашелъ тѣ законы и правила, посредствомъ которыхъ можно было бы дать свободное развитіе дремлющимъ въ ребенкѣ силамъ, не нарушая въ то же время правъ природы его ближнихъ. Изъ хорошо направленаго и правильно развитога эгоизма можетъ создаться воспитаніе, которое въ наши дни называется социальнымъ воспитаніемъ, т. е. развитіемъ у отдѣльныхъ личностей высшихъ социальныхъ способностей.

Не только человѣкъ, но и многія животныя рождаются со всѣми задатками социального существа. Зависимость ребенка отъ матери, многолѣтняя потребность его въ материнскихъ заботахъ заставляютъ его съ первыхъ почти дней жизни сознать, что кромѣ его собственной воли есть еще другая, которую онъ долженъ расположить въ свою пользу, если желаетъ сохранить то, что есть его главная цѣль, т. е. жизнь и жизнерадостность. Это социальное побужденіе, выросшее изъ этого перваго отношенія къ матери и затѣмъ развивающееся все сильнѣе и сильнѣе при сношеніяхъ съ братьями, сестрами, товарищами, само уже, подчиняясь законамъ природы, заботится о томъ, чтобы различные эгоистическіе центры сомкнулись, такъ сказать, въ общевольныя группы. Вышняя опасность принуждаетъ ихъ сложить всю сумму единичныхъ силъ и изъ единичной воли создать общую волю. Такимъ образомъ возникли у животныхъ и людей семейныя связи, родство, мѣстныя общины и,

наконецъ, народъ и государство. Государство есть соединеніе отдѣльныхъ людей связанное закономъ цѣлое. Государство никого не принуждаетъ, или вѣрнѣе—не должно было бы принуждать—къ отреченію отъ собственной жизни и жизненной энергіи,—напротивъ того—государству выгодно имѣть въ своей средѣ много свободныхъ личностей и много свободной жизненной энергіи.

Дѣйствительное и правильное воспитаніе должно заботиться о томъ чтобы внутри государства, т. е. среди этого общества людей съ одинаковыми жизненными цѣлями предоставлялось каждой отдѣльной личности возможно больше свободы развитія. Человѣкъ не долженъ быть орудіемъ другого или простымъ исполнителемъ чужой воли, онъ долженъ жить своей собственной жизнью, и воспитаніе должно дать ему нужную силу и возможность развивать эту жизнь сообразно съ законами природы. Мнѣ, какъ я уже это испыталъ, стануть указывать на опасность, заключающуюся въ такъ называемомъ индивидуализмѣ. Назовемъ это просто „воспитаніемъ и развитіемъ личности“. Это понятіе звучитъ не такъ страшно, какъ первое, потому что каждый согласится, что высшее благо человѣка—быть личностью. Вина не наша, что все еще такіе люди мнятъ себя личностями, которые въ дѣйствительности не что иное, какъ ходячія абстракціи, исполнители чужихъ желаній, носители чужихъ идеаловъ—люди, которыхъ вполнѣ удовлетворяетъ служеніе давно умершей традиціи, и которые ставятъ себѣ въ заслугу, что они заглушили свою собственную природу, чтобы лучше выполнить чужія желанія. Это и есть типъ современнаго благовоспитаннаго нѣмца. Онъ живетъ выродившимися безжизненными, лишенными творчества, традиціями старыхъ культуръ. Эти традиціи представляютъ какой-то компромиссъ такихъ формъ жизни, которыя исключаютъ другъ друга. Такъ не развиваются личности, и личность не есть конгломератъ чужихъ опытовъ, убѣжденій и ученій.

Часто сравниваютъ искусство педагога съ искусствомъ садовника и это совершенно вѣрное сравненіе. Но къ сожалѣнію, педагоги не научились у садовниковъ самому-то главному—именно уваженію къ природѣ, а также тому, что всякая попытка привить что-либо природѣ ведетъ только къ вырожденію и искалченію растенія. Всѣ насильственно культивированные продукты, какъ, на примѣръ, тѣ, какими время отъ времени ботаники или садоводы удивляютъ жадную до всего сенсационнаго публику, не могутъ сравниться по жизненной силѣ и жизненной выносливости со своимъ первообразомъ, который безъ человѣческихъ усилій самостоятельно и свободно развивается. Дубъ, такой, какимъ его создала природа, можетъ все еще смѣло продолжать существовать рядомъ съ современными культурными декоративными растеніями, точно

также простой человекъ, выросшій безъ того, чтобы надъ нимъ продѣлали всякіе педагогическіе эксперименты, противопоставленный продуктамъ высшей педагогической культуры, не теряетъ своей полной цѣнности. Наука о воспитаніи должна была бы быть для воспитателя тѣмъ же, что для садовника практическое руководство по ботаникѣ или руководство по животноводству для сельскаго хозяина.

Но прежде всего надо согласиться относительно принциповъ воспитанія, т. е. отвѣтить на слѣдующіе вопросы: что даетъ намъ природа въ ребенкѣ? Чего должно достигнуть воспитаніемъ и ребенка? Что можетъ быть достигнуто воспитаніемъ?

На всѣ эти вопросы можно только отвѣтить, принимая во вниманіе законъ о наслѣдственности. Правда, и извѣстные современные педагоги все еще продолжаютъ предостерегать, ссылаясь на эту теорію. Они опасаются, какъ бы этимъ увлеченіемъ не нанести ущерба серьезности и отвѣтственности педагогическаго труда. Но тотъ, кто научился наблюдать естественно-научнымъ образомъ, тотъ не можетъ обойти вопроса о наслѣдственности. Онъ видитъ въ немъ ту основную идею, тотъ фундаментъ, на которомъ должно быть построено все воспитаніе. Какую пользу могутъ принести всѣ идеально-прекрасныя теоріи безъ реальной, положительной почвы, что пользы въ высокіхъ цѣляхъ, если природа выскажетъ противъ нихъ свое veto? Необходимо признать неопровержимую истину, что природа поставила границы воспитанію.

Нѣтъ никакой пользы или, вѣрнѣе, это просто бесполезная тиранія, когда мы преподносимъ цѣлымъ народностямъ, не подготовленнымъ ни по своему физическому, ни по психическому складу, абстрактныя, созданныя на бумагѣ, педагогическія руководства, требованія, которыхъ эти народности, при всемъ ихъ желаніи, не могутъ выполнить.

Да, наука о воспитаніи возможна, но нужно точно уяснить себѣ всѣ необходимыя предпосылки, и границы, и не слишкомъ многого ожидать отъ нея. Особенно же не слѣдуетъ ожидать отъ нея въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ удовлетворительныхъ отвѣтовъ — жизнь слишкомъ богата формами и возможностями, чтобы можно было въ теоріи подготовить отвѣты на каждое единичное явленіе. Но что можно создать—это общія пригодныя основы, нарушеніе которыхъ уже сразу уничтожаетъ значеніе воспитанія. И то ужъ много, если удастся сговориться объ этихъ общихъ основахъ.

Остается такимъ образомъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: кто долженъ воспитывать? Какими способами и средствами и для какихъ цѣлей? Но на эти вопросы нельзя отвѣтить, не подвергнувъ предварительной критикѣ унаслѣдо-

ванный методъ воспитанія, такъ какъ, если-бы онъ удовлетворялъ всѣмъ законнымъ требованіямъ, къ чему было бы трактовать эти вопросы, какъ нерѣшенную проблему.

ГЛАВА III.

Происхожденіе господствующихъ системъ воспитанія.

Вся внутренняя сущность нашихъ системъ воспитанія станетъ намъ тогда понятна, когда мы прослѣдимъ весь ходъ ихъ развитія. Съ тѣхъ поръ какъ нѣмцы стали христіанами, церковно-христіанскій духъ захватилъ и овладѣлъ всѣмъ нашимъ воспитаніемъ. Великое реформаторское движеніе, вызванное Лютеромъ, создало также только церковно-народную школу, въ которой, правда, религіозныя вѣрованія подверглись измѣненію, но школа продолжала попрежнему быть только органомъ, хотя и реформированной, церкви. Главнѣйшей цѣлью Лютера было создать евангелическія школы и въ нихъ такъ поставить преподаваніе религіи, чтобы дѣти десятилѣтняго возраста не только знали главныя основы вѣры, но и были бы знакомы съ Библіей и катехизисомъ. Все же остальное, что преподавалось въ школахъ, должно было содѣйствовать и служить этой главной цѣли. Чтеніе должно было способствовать пониманію и изученію библии, пѣніе—дать возможность участвовать въ церковномъ хорѣ и дома пѣть псалмы и религіозныя пѣсни. И до сего дня наша народная школа, съ вѣдома и по волѣ нашихъ правителей, осталась церковной школой. Это доказываетъ распisanіе уроковъ, церковная инспекція школъ и тѣ слова, которыя при каждомъ удобномъ случаѣ повторяютъ прусскіе министры народнаго просвѣщенія, а именно: „прусскія школы должны во что бы то ни стало сохранять свое христіанское направленіе“. Въ наше время этотъ церковный духъ, на которомъ основаны наше современные воспитательные методы, не удовлетворяетъ насъ больше, потому что нѣмецкій народъ пересталъ быть христіанскимъ народомъ. Изученіе естественныхъ наукъ, многочисленные представители науки, а главное народныя массы, въ которыя проникъ естественно-научный духъ, отклоняютъ отъ такого воспитательнаго метода, который въ своемъ основаніи, въ своихъ цѣляхъ противорѣчитъ ихъ убѣжденіямъ и не отвѣчаетъ ихъ потребностямъ. Сами школы страдаютъ отъ подобной непримиримой двойственности. Они не могутъ не признавать успѣховъ и развитія естественныхъ наукъ, не могутъ не преподавать ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ сохранить христіанскій духъ и вѣрованія старыхъ церковныхъ школъ. И такимъ образомъ

наши школы являются какъ бы проповѣдниками двухъ совершенно противоположныхъ міровоззрѣній. Весь вредъ отъ такого положенія вещей отражается на юношества, лишенномъ по винѣ школы всякой внутренней поддержки и обманутомъ въ своихъ воззрѣніяхъ на жизнь. Педагогика, желающая, чтобы ее въ наши дни признавали и уважали, должна или искусственно поддерживать живымъ духъ церковныхъ вѣрованій, отъ которыхъ она уже внутренне отреклась—тогда это будетъ, такъ сказать, педагогика историческая, не имѣющая для насъ, а главное для прогресса, никакого значенія; или же она должна освободиться отъ всѣхъ традицій и ввести въ систему „модернизмъ“, иными словами — нашу современную умственную жизнь. Борьба противъ „модернизма“ есть въ то же время борьба противъ науки, противъ прогресса и противъ нашей современной жизни. Существуетъ еще третій родъ педагогики, къ которому прибѣгаютъ желающіе избѣжать всякой борьбы—это такъ-называемая педагогика компромиссовъ, но при этой педагогической системѣ надо заранее отказаться отъ какихъ бы то ни было ясныхъ, опредѣленныхъ цѣлей. Какъ нельзя соединить несоединимое или примирить непримиримое, такъ же точно нельзя примирить современное знаніе со старымъ церковнымъ вѣрованіемъ, и все, что предпринималось въ этомъ направленіи, было и есть ни что иное какъ плачевныя попытки стушевать слишкомъ рѣзкія противорѣчія и водворить миръ между огнемъ и водой. Понятно, что и этимъ родомъ педагогики можно достигнуть, относительно, желаемаго, и достигаютъ. Но игра не стоитъ свѣчь, такъ какъ результатъ не оправдываетъ затраченныхъ усилий. Воспитанные въ этомъ духѣ люди—а это большинство нашихъ современниковъ и современницъ—лишены всякой внутренней свободы, устойчивости, силы воли и твердости, въ которыхъ они нуждаются для умственного роста ихъ личности и для того, чтобы сдѣлаться полезными членами государства. Это вѣдь не простая игра случая, что въ Пруссіи ощущается недостатокъ въ самостоятельныхъ и выдающихся личностяхъ, что самыя важныя культурныя задачи не находятъ дѣятельныхъ исполнителей и необходимой активной поддержки. Силы, быть можетъ и вредныя, находятся только—и это очень понятно и знаменательно—въ массахъ и особенно въ тѣхъ политическихъ партіяхъ, которыя принадлежатъ къ крайнему лагерю—у представителей центра и у социаль-демократовъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что вліянію церкви на воспитаніе приходитъ конецъ, служитъ та тревога, та озабоченность, которая повсемѣстно овладѣли духовенствомъ. Рознь и распадъ такъ велики во всемъ христіанскомъ лагерѣ, что только благодаря деспотической власти папы въ католическихъ государствахъ и

подобному же деспотизму протестантскихъ церковныхъ властей все еще сохраняется иллюзія единства и господства. Царству фарисеевъ наступаетъ конецъ. Наши педагоги, въ особенности учителя народныхъ школъ, сами уже возстаютъ и не хотятъ больше переносить церковное иго, ставшее имъ чуждымъ и признанное ими недостойнымъ. Ихъ уже не удовлетворяетъ та роль, которую они исполняли по обязанности, а именно—воплощать собой церковный духъ и противъ своихъ убѣжденій внѣдрять его въ новыя поколѣнія. Они требуютъ новой школьной инспекціи, значить, не церковной, какъ это было до сихъ поръ, и желаютъ, чтобы инспекторами назначались люди, которые приобрѣли педагогическій опытъ, служа школьному дѣлу, а не церкви.

Такъ какъ царству фарисеевъ приходитъ конецъ, то подобная же участь грозитъ и царству книжниковъ, т. е. книжныхъ ученыхъ. Если мы посмотримъ, такъ сказать, въ корень систематической педагогики, то намъ станетъ вполне ясно, какъ она развилась и какъ она въ концѣ концовъ дошла до полнѣйшей бесплодности. Педагогика книжниковъ, какъ мы ее называемъ, есть продуктъ абстрактной философіи, а не продуктъ практики и наблюденія природы. Вся наша педагогическая литература, если она не плодъ церковнаго писательства, исходитъ изъ слѣдующей идеи: она умственно строить себѣ нормальнаго человѣка, чтобы затѣмъ нормальными средствами преобразовать его въ идеальнаго человѣка. Она предполагаетъ во всѣхъ людяхъ однородную, общую для всѣхъ, душу, несмотря на то, что, умудренная наблюденіями, она постоянно толкуетъ о несходствѣ и различіи людей. И въ то же время мнитъ, что она душу, общечеловѣческую душу прекрасно и точно знаетъ, такъ точно, что могла бы ее разложить, какъ какой-нибудь анатомической препаратъ. Она также предполагаетъ, что ей извѣстны такія средства, которыми она можетъ вліять на человѣческой умъ и руководить имъ, и думаетъ, что при одинаковомъ обращеніи съ совершенно разнородными человѣческими умами и натурами возможно по крайней мѣрѣ получить извѣстные и одинаковые комплексы умственныхъ и моральныхъ дѣйствій. Эта систематическая педагогика существуетъ въ сущности только на бумагѣ. Какъ только хотятъ ее примѣнить на практикѣ она оказывается несостоятельной. Она слишкомъ теоретична, слишкомъ много оперируетъ съ готовыми отвлеченными понятіями и съ такими техническими выраженіями и понятіями, которыя еще не проверены серьезными психологическими наблюденіями.

Здѣсь не мѣсто подробно доказывать вышесказанное. Достаточно констатировать тотъ фактъ, что академическая и семинарская школьная педагогика почти до нашихъ дней не интересовалась и не заботилась о связи и взаимодействіи

тѣла и духа. Она, такъ же какъ и церковь, признавала духъ чѣмъ то абсолютнымъ и стоило не мало труда и борьбы, пока наконецъ удалось добиться врачу свободнаго доступа въ школу. Этимъ произнесенъ приговоръ всей старой педагогикѣ. Она требовала одинаковыхъ умственныхъ и моральныхъ усилій отъ слабыхъ дѣтей, какъ и отъ здоровыхъ, требовала вообще слишкомъ многого и ложнаго отъ тѣхъ и отъ другихъ. Она совсѣмъ не знала природы ребенка и все же хотѣла руководить имъ и развивать его. Даже въ наши дни извѣстные психологи признаютъ, что дѣтская психологія все еще находится въ пеленкахъ. Старая академическая педагогика признавала за грѣхъ и карала точно такъ же, какъ и церковь, всѣ слабости дѣтской природы, и, подобно церкви, установила цѣлый списокъ дѣтскихъ преступленій и прегрѣшеній, какъ-то, упрямство, непослушаніе, лѣнь, упорство, разсѣянность, невниманіе и т. д. Она считала своей главной задачей найти дѣйствительныя исправительныя мѣры противъ, этихъ мнимыхъ заблужденій. Ничто не можетъ быть страннѣе, какъ примѣнять общія карательныя мѣры противъ, скажемъ на примѣръ, разсѣянности, потому что разсѣянность есть выраженіе нервной слабости или же избытокъ интереса, и въ обоихъ случаяхъ нуждается въ научномъ наблюденіи и изученіи, а въ первомъ случаѣ и въ медицинской помощи, но ни въ какомъ случаѣ не въ наказаніи, которымъ тутъ ничего не достигнешь. Ни одному здоровому человѣку не придетъ въ голову побоями побѣждать физическую слабость. Умственную усталость и ея послѣдствія наказывали и теперь наказываютъ розгой въ тѣхъ школахъ, гдѣ все еще господствуетъ старый церковный духъ. Въ школахъ, которыя мы посѣтили, ничего не знали, да и не хотѣли знать, о нервности, малокровіи и золотушности дѣтей. Тамъ только дѣлили дѣтей на прилежныхъ, послушныхъ и хорошихъ учениковъ и на лѣнивыхъ, невнимательныхъ и плохихъ учениковъ. Весь учебный планъ, все расписаніе уроковъ во всѣхъ школахъ такъ составлены, что только самые физически здоровыя и сильныя дѣти могутъ безъ ущерба для своего здоровья выполнить то, что отъ нихъ требуется. Сами учителя признаютъ, что ученики только лѣнью, хитростью и разсѣянностью защищаютъ свой организмъ отъ переутомленія физическаго и умственнаго. Всѣ эти школы и, къ сожалѣнію, все домашнее воспитаніе ихъ поддерживающее, не что иное, какъ продуктъ отжившей и наукой опровергнутой теоретики.

Такимъ образомъ вся господствующая школьная практика такая же шаткая и неправильная, какъ та ботаника, которая была построена на системѣ Линнея. При культивировкѣ растений, дрессировкѣ собакъ и лошадей—давно уже отказались отъ всѣхъ туманно теоретическихъ построеній и вступили на твердую почву практическихъ наблюденій и практи-

ческой дѣятельности. Но теоретики считали себя какъ бы санкціонированными тѣми традиціями и преданіями, которыя перешли къ нимъ путемъ наслѣдія отъ когда-то столь прославленныхъ грековъ... Мы знаемъ, до чего трудно освободиться современнымъ культурнымъ народамъ отъ вліянія прежнихъ культурныхъ народовъ. Подъ вліяніемъ иллюзіи, что все, что было когда то достигнуто культурными народами путемъ прогресса, достойно продолжать жить во всѣ времена и вліять на всѣ эпохи, все воспитаніе юношества, отдѣлавшееся отъ вліянія церкви, попало въ зависимость къ книжнымъ ученымъ. А тѣ предпочитаютъ прибѣгать за совѣтами къ Платону, Аристотелю, къ средневѣковымъ схоластикамъ и къ какому угодно старинному автору, чѣмъ путемъ практическихъ наблюденій изучать на дѣтяхъ дѣтскую природу. Самыя простыя и естественныя мысли приходятъ людямъ въ голову напослѣдокъ. Мысль, что для правильнаго воспитанія лучше всего пользоваться своими собственными наблюденіями надъ живыми дѣтьми до такой степени проста, что мы къ ней только теперь пришли и, такъ сказать ее впервые открыли. Ребенокъ былъ только воспитательнымъ объектомъ, во всемъ существенномъ безвольный, и во всякомъ случаѣ онъ не долженъ былъ имѣть собственную волю, а долженъ былъ расти и развиваться сообразно желанію взрослыхъ, по искусственнымъ и заранѣе предначертаннымъ законамъ тѣхъ же взрослыхъ. Всѣ грандіозныя попытки Гербарта развивать и поощрять дѣтское мышленіе подобны колоссальнымъ насосамъ, которыми хотятъ поднять изъ почти недосыгаемой глубины воду на поверхность земли, тогда какъ гораздо проще и удобнѣе было бы дать самостоятельно бѣгущимъ ручьямъ и ручейкамъ расти, увеличиваться, наконецъ соединиться и превратиться въ одинъ сильный и могучій потокъ. Въ этой философской педагогикѣ затрачивается слишкомъ много силъ, дѣлаются слишкомъ большія усилія, чтобы создать такія вещи и понятія, которыя развились бы и безъ участія воспитателя. Но по мнѣнію этой педагогики, все должно было быть предоставлено воспитателю, все должно было быть работой воспитателя. Ребенокъ, подобно необработанной мраморной глыбѣ, сдавался на руки художнику для того чтобы подъ его искусными руками превратиться въ прекрасное произведеніе искусства. Не было и помина о какомъ бы то ни было уваженіи къ природѣ и въ особенности къ дѣтской природѣ. Задавались высокой, почти недосыгаемой цѣлью—идеаломъ, и вмѣняли дѣтямъ въ обязанность дорости до него. И воспитаніе постепенно преобразовалось въ какое-то сплошное насиліе. Физическое развитіе предоставили ребенку—тутъ въ этой области не считали дѣйствительной и возможной какую бы то ни было насильственную мѣру. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ умственнымъ и моральнымъ разви-

тѣмъ—тутъ создавали нормальныя требованія, предполагая конечно и нормальныя силы, постановляли обязанности, посредствомъ которыхъ умственное и моральное развитіе ускорялось, т. е. должно было идти вынужденнымъ и заранее преднамѣреннымъ скорымъ темпомъ. Вся эта педагогика и всѣ эти воспитательныя приемы не основывались на собранныхъ наблюденіяхъ надъ живыми существами и на приобретенномъ такимъ образомъ опытѣ—это были просто умственныя построенія, заранее преднамѣренныя и заранее обусловленныя требованія и цѣли, поставленныя зрѣлыми людьми, которые считали себя совершенствами и полагали, что обладают неопровержимыми истинами, воспринятіе которыхъ и согласованіе съ которыми было, по ихъ мнѣнію, прямою обязанностью юношества.

Но этимъ воспитательнымъ приемамъ достигаютъ совершенно противоположнаго. Этотъ искусственно ускоренный темпъ развитія только задерживаетъ естественный ростъ природныхъ способностей воспитанника, потому что развитіе идетъ тогда, не сообразуясь съ врожденными силами, по ложному пути и заставляетъ природу избирать окольную дорогу для своихъ проявленій или же отречься отъ себя самой. Это больше всего отражается на способныхъ, богато одаренныхъ дѣтяхъ,—вся ихъ сила, вся ихъ энергія растрачиваются въ борьбѣ съ сильными страстями и склонностями. Побѣдить и сломить волю воспитанника, обезличить его и подчинить всѣмъ требованіямъ школьной схемы—вотъ что считалось и признавалось величайшимъ триумфомъ педагога. Но притомъ забывали и упускали изъ виду, что человѣкъ растетъ самъ по себѣ, какъ и каждое растеніе, и что онъ, безсознательно подчиняясь естественному побужденію, развивается умственно и морально, и что духъ растетъ одновременно съ тѣломъ, такъ какъ онъ неразрывно связанъ съ тѣломъ, и есть только его органъ.

Подобно церкви, философія была убѣждена, что обладаетъ вѣчными истинами, и что жизнь должна развиваться сообразуясь съ этими истинами. Но такимъ образомъ въ развитіи человѣчества долженъ былъ бы неминуемо наступить застой, потому что разъ истина найдена, умираетъ то побужденіе, которому мы обязаны всѣмъ нашимъ прогрессомъ—побужденіе къ познанію и главный его двигатель—сомнѣніе. Но наше, государствомъ признанное и одобряемое, воспитаніе все еще продолжаетъ вмѣнять педагогу въ обязанность заслушать и искоренять зарождающееся въ умахъ воспитанниковъ сомнѣніе. Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ при открытіи реальной гимназіи, господинъ тайный совѣтникъ Генцъ закончилъ свою торжественную рѣчь словами: „А главное, многоуважаемые коллеги, умѣйте уберечь души молодежи отъ сомнѣнія“.

Я осмѣлился публично критиковать эти слова, и это, по моему глубокому убѣжденію, главная причина, почему мое дальнѣйшее пребываніе на службѣ стало нежелательнымъ министерству народнаго просвѣщенія.

Противъ подобнаго авторитетнаго духа, ставящаго границы образовательному развитію молодежи, и который даже въ спеціальныхъ школахъ естественныхъ наукъ возводится въ догматъ,—противъ такого духа должна возстать единодушно и единогласно вся новѣйшая педагогика. Намъ безразлично, есть ли этотъ духъ—церковно-религіозный предразсудокъ, или академическая философская нетерпимость, или то и другое, такъ какъ отъ этого нисколько не мѣняется самое существованіе, т. е. тотъ вредъ, который онъ приноситъ.

Тотъ, кто, сообразуясь съ современнымъ положеніемъ естественно-научныхъ знаній, захочетъ создать новую педагогику, тотъ долженъ въ ней ясно и опредѣленно высказать, что человѣческая жизнь во вселенной и какъ часть вселенной участвуетъ въ общемъ движеніи развитія и не должна быть нигдѣ и ничемъ задерживаема. Догматы же должны быть принципиально изъяты изъ воспитанія. Нѣтъ „последнихъ“, уже найденныхъ истинъ, нѣтъ ихъ даже у монистовъ и атеистовъ. Дѣти прежде всего должны и будутъ повиноваться авторитету своихъ воспитателей. Дѣти, подобно цвѣтку, повернутся къ солнцу, отъ котораго получается свѣтъ, тепло и пища. Намъ совсѣмъ не нужно пытаться приобрѣсти искусственными приемами ихъ уваженіе, не нужно изображать собой какихъ-то стражей неприкосновенныхъ вѣчныхъ истинъ—если мы приносимъ пользу дѣтямъ и просто даемъ имъ понять наши честныя, хорошія намѣренія быть имъ полезными на ихъ жизненномъ пути, то мы приобрѣтемъ и желаемый авторитетъ. Это такъ ясно, что нечего и говорить объ этомъ. Но слѣдуетъ здѣсь еще упомянуть объ авторитетно насаждаемомъ поклоненіи старинѣ и всякой традиціи. Это также насиліе и также задерживаетъ самостоятельное развитіе потомства. Найдетъ ли какой нибудь взрослый нѣмецъ военную исторію Цезаря достойной уваженія, поучительной и полезной—это его личное дѣло. Но совсѣмъ несправедливо требовать отъ четырнадцатилѣтнихъ дѣтей обязательнаго уваженія къ этому литературному произведенію. Между тѣмъ въ этой области, какъ и въ сотни другихъ, господствующая педагогика навязчива и не стѣсняется прибѣгать къ насилію. Причина этого все одна и та же, а именно, что педагогика исходитъ изъ заранее подготовленныхъ, предвзятыхъ воспитательныхъ мнѣній и воспитательныхъ системъ, а не руководствуется наблюденіями надъ живыми дѣтьми и ихъ потребностями. Тутъ мы дошли въ нашей статьѣ до рѣшительнаго пункта. Теперь каждый

читатель долженъ внутренне спросить себя, есть ли онъ приверженецъ старой педагогики или же онъ вмѣстѣ съ нами ее принципиально отвергаетъ. И при этомъ онъ долженъ понять, что дѣло тутъ идетъ не объ однихъ только учителяхъ и школахъ, но и о родителяхъ и домашнемъ воспитаніи. Потому что, несмотря на частыя въ единичныхъ случаяхъ разногласія между родителями и школой, общий духъ воспитанія въ главномъ одинъ и тотъ же. Въ тайникахъ родительскихъ душъ продолжаетъ прочно сидѣть уваженіе къ государственнымъ школамъ, и они все еще полагаютъ, что приносятъ дѣтямъ большую пользу тѣмъ, что заставляютъ ихъ покорно признавать и подчиняться всѣмъ повелѣніямъ школы. Они изрѣдка порицаютъ какое нибудь изъ ряда выходящее превышеніе власти учителя, или особенно выдающіеся недостатки школьной системы, но нѣмецкая школа какъ общественное учрежденіе для нихъ священна и по отношенію къ ней они чувствуютъ себя безсильными. Да они бы и не сумѣли сказать, какъ и въ чемъ слѣдовало бы измѣнить школьный духъ и воспитательный методъ.

Традиція все еще такъ сильна, и каждый провелъ столько лѣтъ подъ гнетомъ этой традиціи, что современнымъ нѣмцамъ жизнь при другихъ условіяхъ и при иномъ воспитательномъ направленіи кажется просто какой-то невозможностью. Напрасно имъ проповѣдывать и неустанно повторять, что высшая культура грековъ развилась безъ государственной школы и только поэтому и достигла такого расцвѣта, что государство не смотрѣло на образованіе какъ на какую-то государственную монополию. Нѣмцы не могутъ себѣ представить возможность воспитанія юношества безъ профессиональныхъ воспитателей—безъ воспитательнаго чиновничества. Они повидимому забыли, или не знаютъ, что высшая рыцарская культура среднихъ вѣковъ, вся просвѣтительная культура Ганды и вообще вся существовавшая въ средніе вѣка нѣмецкая бюргерская культура, выросла свободно, самостоятельно, внѣ общественныхъ группъ, и только развилась изъ практической дѣятельности и естественной общественной жизни, слѣдовательно и безъ профессионально-школьнаго сословія. Тогда и понятія не имѣли о какой бы то ни было систематической педагогикѣ, и все же въ областяхъ искусства, наукъ и соціальной жизни выросло и развивалось множество разносторонне образованныхъ, а главное разносторонне дѣятельныхъ мужчинъ и женщинъ. Самое большое, быть можетъ, несчастіе, постигшее нѣмецкій народъ—это то, что вся наша жизнь подпала подъ иго школьныхъ педантовъ, и что, какъ я разъ высказалъ, къ вящему ужасу всѣхъ благомыслящихъ, весь нашъ нѣмецкій народъ и понынѣ до корня волосъ, до мозга костей

„вышколивается“ этими педантами. Вся наша жизнь от колыбели и до гробовой доски приведена въ систему—мы должны жить, расти и дѣйствовать по указанію и распisanію,—и едва только появится какое-нибудь новое явленіе, какъ все наши систематики набрасываются на него, чтобы тотчасъ же зарегистрировать его и подчинить себѣ.

Розѣ вѣдь не читають лекцій о томъ, какъ она должна цвѣсти—она продѣлываетъ это самостоятельно, собственными силами. Не слѣдуетъ и ребенку внушать, какія у него должны быть религіозныя чувства, не слѣдуетъ и для его религіозныхъ потребностей вырабатывать какого бы то ни было научнаго плана и распisanія, какъ не слѣдуетъ по хитро придуманнымъ системамъ учить ребенка говорить и смотреть. Все это происходитъ само собой, растетъ само собой и развивается куда лучше, чѣмъ еслибы стали вызывать это развитіе искусственными мѣрами. Но вся эта, до ясности простая истина, была долгіе годы погребена подъ грудой теоретически научныхъ трудовъ нашихъ академическихъ и педагогическихъ систематиковъ.

Самое важное открытіе нашей эпохи—это открытіе ребенка. Спасти ребенка отъ школьныхъ учителей и школьныхъ педантовъ самое неотложное и самое важное дѣло. И главное отъ школьныхъ педантовъ дома и внѣ дома, такъ какъ дома съ первыхъ же дней рожденія начинаютъ „школить“ дѣтей. Матери, къ сожалѣнію, слишкомъ часто посѣщаютъ дѣтскіе сады и, увы, многія сдавали экзаменъ на учительницъ. Онѣ также заражены господствующей педагогикой и хотять на собственныхъ дѣтяхъ доказать ея пригодность, хотять собрать съ взрошеннаго ими собственнаго деревца лучшіе плоды этой педагогики. Велика была бѣ заслуга тѣхъ людей, которые въ наши дни въ видѣ эксперимента выростили бы поколѣніе дѣтей, не прибѣгая къ помощи какихъ бы то ни было профессиональныхъ воспитателей. Всѣ были бы поражены необычайной силой ихъ умственнаго и моральнаго развитія и недоумѣвали бы, откуда это все взялось и какъ это все произошло. Я произвожу, для собственнаго убѣжденія въ правотѣ вышесказаннаго, да и для убѣжденія другихъ людей, подобные но только частичные, опыты надъ моими собственными дѣтьми. Я говорю „частичные“ потому что государство будетъ отъ нихъ требовать аттестатовъ и дипломовъ, которыхъ я самъ, къ сожалѣнію, не имѣю права имъ выдать. Но то, чего я достигъ этими опытами, приводитъ меня, да и всѣхъ наблюдающихъ за этимъ, въ изумленіе, и въ то же время это является самой жестокой критикой всѣхъ прежнихъ методовъ воспитанія.

ГЛАВА IV.

Что должна дать новая педагогика?

Лѣтъ десять тому назадъ всѣ школы въ Германіи подверглись большимъ реформамъ, и съ тѣхъ поръ психологи стали властно предъявлять свои требованія педагогикѣ. И они совершенно правы, требуя чтобы точное познаніе дѣтской души легло въ основаніе всѣхъ психическихъ воздѣйствій и вліяній. Это познаніе должно оказывать ту же услугу педагогу, какую оказываетъ врачу анатомія. Мы не имѣемъ больше права производить операций надъ неизвѣстнымъ намъ объектомъ, да притомъ же еще непригодными инструментами и способами. Это—научная ошибка, вполне заслуживающая названія негуманности. Итакъ, тотъ кто не изучитъ, путемъ собственныхъ многолѣтнихъ и основательныхъ наблюденій—образъ дѣтскаго мышленія, чувства, ощущенія и роста дѣтской души, тотъ и не можетъ и не долженъ быть воспитателемъ. И такими непригодными воспитателями является большинство нѣмецкихъ матерей и отцовъ. Но у нихъ недостатокъ наблюденій возмѣщается любовью къ своимъ дѣтямъ. Эта любовь удерживаетъ ихъ отъ той строгости, которую проявляетъ, по отношенію къ воспитанникамъ, педагогъ, проникнутый сознаніемъ своихъ служебныхъ и профессиональныхъ обязанностей и видящій въ пренебреженіи къ дѣтскимъ особенностямъ, даже въ ихъ искорененіи прямую и удовлетворяющую его обязанность. Естественный инстинктъ матерей вѣрнѣе всего подскажетъ имъ средства, которыми онѣ могутъ всего успѣшнѣе и справедливѣе повліять на своихъ дѣтей. И лучше, если онѣ поменьше слушаютъ и слѣдуютъ, совѣтамъ пасторовъ и учителей. Одинъ лишь примѣръ: мать, которой внушили, какъ божественную премудрость, варварскую воспитательную истину стараго Юсифа Сираха, что сила родительской любви доказывается лучше всего крѣпкой розгой — лишена лучшаго, что дѣлаетъ женщину пригодной къ воспитанью дѣтей. Ребенка никогда не слѣдуетъ бить, потому что онъ не заслуживаетъ побоевъ. Предполагаемые дѣтскіе проступки и ошибки—только выраженіе его слабости и неопытности. Бить ребенка за то, что онъ разбилъ стаканъ — по меньшей мѣрѣ глупо, и доказываетъ только бессмысліе и грубость матери. Откуда знать ребенку, что стаканъ—бьющійся предметъ. Почему онъ знаетъ, что стаканъ представляетъ извѣстную цѣнность? Передъ тѣмъ мать ему не разъ давала въ руки камешки и только смѣялась, когда онъ выбрасывалъ ихъ изъ своей кровати. И ребенокъ на опытѣ научился понимать, что брошенные предметы производятъ шумъ, и что это очень весело. Вотъ онъ и дальше поступаетъ такъ, какъ научилъ его опытъ — и вдругъ вмѣсто

веселаго одобренія — побои! Какъ можетъ ребенокъ видѣть въ этихъ побояхъ понужденіе къ добру? И къ чему все это приводитъ?—къ разрушенію въ дѣтской душѣ чувства справедливости, любви, довѣрчивости и жизнерадостности.

Ребенка воспитывать — значитъ вводить его въ новый, неизвѣстный ему міръ. Если насъ, взрослыхъ, внезапно перенесутъ въ Китай, то мы на каждомъ шагу учинимъ множество поступковъ, которыя тамъ признаются заслуживающими наказанія, и когда мы беззаботно, ничего не подозревая, войдемъ въ открытый храмъ, мы подвергнемся смерти. Мы сочтемъ подобное съ нами обращеніе величайшей несправедливостью. Почему насъ наказываютъ за поступки, въ которыхъ мы не чувствуемъ и не сознаемъ никакой преступности? Точно такъ же долженъ разсуждать подвергнутый наказанію ребенокъ—будь онъ способенъ разсуждать. Но такъ какъ онъ не способенъ даже понять подобнаго обращенія строгаго воспитателя, то наказаніе приводитъ его въ недоумѣніе, вызываетъ страхъ и ожесточеніе.

Любящая мать, познавшая сущность природы своего ребенка и вѣрно понимающая все его безсиліе, застрахована отъ подобныхъ промаховъ и ошибокъ. Но ей слѣдовало бы быть настолько твердой и убѣжденной въ правотѣ своихъ наблюденій и своего опыта, чтобы отстаивать, поддерживать и защищать своего ребенка отъ всѣхъ воспитательныхъ теорій и школь. То, что современная академическая психологія сообщаетъ ей, какъ самый новѣйшій научный выводъ, не можетъ ее удивить, потому что онъ только подтверждаетъ ея собственныя наблюденія. Что пользы намъ, педагогамъ, въ томъ, что десятью тысячами наблюденій и опытовъ будутъ научно установлены границы переутомленія дѣтей отъ умственнаго труда. Зѣвота, вялость, звукъ голоса, цвѣтъ лица и выраженіе лица скорѣе и лучше всякихъ ученыхъ статистикъ скажутъ заботливой матери, что ея ребенокъ утомленъ. Ее можетъ сбить съ толку то, если она, придавая больше цѣны наблюденіямъ надъ чужими дѣтьми, чѣмъ собственнымъ и произведеннымъ надъ ея ребенкомъ, вновь поддастся искушенію прибѣгать за совѣтами къ научной педагогикѣ для примѣненія ихъ на практикѣ. Вся наша современная школьная гигиена, а она была намъ необходима, должна остерегаться, чтобы не повторить ошибки старой педагогики и не дать себя втиснуть въ узкія рамки какой-нибудь воспитательной теоріи и тѣмъ самымъ превратиться въ тиранизирующую силу. Весь, напимѣръ, вопросъ о скамьяхъ для учениковъ, надѣлавшій столько шума и вызвавшій столько пререканій, есть не что иное, какъ жалкая палліативная мѣра. Я всегда былъ того мнѣнія, что самыя лучшія скамьи для дѣтей тѣ, на которыхъ имъ меньше всего приходится сидѣть. Если слишкомъ продолжительное сидѣніе можетъ нанести

вредъ физическому здоровью, то не слѣдуетъ заводить новыя или лучшія скамьи, а слѣдуетъ избѣгать слишкомъ продолжительнаго сидѣнья. Культура, полученная цѣной физическаго калѣченія, ничего не стоитъ и куда вреднѣе некультурности. Нельзя считать цѣлью жизни — уродливымъ подготовленіемъ къ ней — то, что дѣлаетъ непригоднымъ къ самой жизни. Все наше воспитаніе, если оно выращиваетъ намъ столько физическихъ калѣкъ, узкогрудныхъ, близорукихъ, малокровныхъ, нервныхъ, а поэтому и безвольныхъ и раздраженныхъ людей, идетъ по ложной дорогѣ, и все, что вынуждаетъ ее идти по этому пути ошибокъ, должно быть немедленно и съ корнемъ вырвано изъ жизни народовъ.

Почему-то вкоренилось убѣжденіе, что въ наше время такъ-называемому образованному человѣку необходимы многочисленныя и самыя разнообразныя познанія, и что эти познанія могутъ быть приобрѣтены юношествомъ только цѣной семи—восьмичасового сидѣнія и труда. Когда же, наконецъ, станетъ ясно, что это убѣжденіе просто теоретическій произволь? Нужно только взять да выкинуть тѣ познанія, которыя почему-то въ наши дни считаются необходимыми, и они просто перестанутъ для насъ существовать. Задайте вопросъ китайцу: что признается необходимымъ въ Китаѣ для образованнаго человѣка? И вы услышите, что тамъ образованный человѣкъ долженъ до семидесятилѣтняго возраста ежегодно сдавать экзаменъ, для того чтобы изучить всю китайскую премудрость, и только тогда признаютъ его вполне образованнымъ человѣкомъ. И вотъ все, что тамъ признаютъ необходимымъ, — для насъ, европейцевъ, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Мы того мнѣнія, что китайцы лучше бы сдѣлали, закрой они всѣ свои школы и высшія учебныя заведенія и разрѣши они своей молодежи присмотрѣться и принять участіе въ жизни другихъ народовъ. Для нихъ не могло быть ничего лучшаго, какъ если бы они позабыли о своихъ традиціяхъ и попробовали самостоятельно, собственными силами, зажить новой жизнью. Въ насъ самихъ много этой самой китайщины и много приемовъ и положеній, родственныхъ китайскимъ, только мы этого не сознаемъ, или не хотимъ сознать. Какое, на примѣръ, дѣло нашимъ дѣтямъ до религіозныхъ распрей отцовъ церкви, продолжавшихся со второго вѣка по Р. Х. и до нашихъ дней? Какое дѣло дѣтямъ до всей древне-греческой политики и до исторіи развитія древне-римскихъ республикъ. Прежде полагали, что человѣкъ не можетъ считаться образованнымъ, если онъ не достаточно знакомъ съ греко-римской миѳологіей и древней лирической поэзіей. Въ эпоху Шиллера вся поэзія заимствовала мысли и образы изъ Метаморфозы Овидія. А теперь, въ наше время, кому дѣло до всѣхъ этихъ Дафнъ, Хлой, Фелиць и т. п. поэтическихъ именъ, даже лирическая поэзія, и та ихъ поза-

была. И теперь считается верхомъ безвкусія говорить о богѣ солнца—златокудромъ Фебѣ, или упоминать при дождѣ Юпитера Плювія—только развѣ институтки въ своихъ классныхъ сочиненіяхъ, да юмористическіе стихоплеты поминаютъ ихъ.

Новая педагогика должна прежде всего стараться не превратиться въ то, что изъ нея хотятъ сдѣлать и къ чему она уже выказываетъ наклонность, т. е. въ систему. А во избѣжаніе этого, новая педагогика должна исключительно основываться на наблюденіяхъ надъ ребенкомъ, и изъ этихъ наблюденій и точнаго познанія ребенка должна у нея явиться способность правильно и безъ насилія руководить дѣтской природой, и умѣніе поставить ребенка въ здоровыя жизненныя условія. Итакъ, самое главное есть и будетъ правильное наблюденіе надъ ребенкомъ. Полезно для этого познакомиться и изучить основы біологіи. Необходимо знать, что есть самъ по себѣ человекъ, и знать, что новорожденный ребенокъ не есть новое начало, а вѣнецъ безконечнаго развитія наслѣдственныхъ силъ цѣлаго длиннаго ряда предковъ. Пониманіе его физическихъ функцій и наблюденіе надъ взаимодѣйствіемъ тѣла и духа, постепенное пробужденіе его самосознанія, постепенное развитіе его умственной жизни—все это долженъ понять и изучить тотъ, кто дѣйствительно хочетъ вліять на развитіе ребенка.

Подъ словами „правильно руководить“ обыкновенно подразумѣваютъ удовлетвореніе всѣхъ дѣтскихъ желаній, высказанныхъ въ вопросахъ и просьбахъ. Но тутъ, конечно, критика не упуститъ случая замѣтить намъ, что воспитаніе и состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить волю ребенка волей учителя. Нѣсколькими словами не разрѣшить этого фундаментальнаго спорнаго вопроса, и намъ въ этой книгѣ не разъ придется съ нимъ считаться. Это и есть послѣдній выводъ воспитанія, въ томъ то и различіе между старой и новой педагогикой, что первая продолжаетъ непоколебимо стоять за авторитетный принципъ, а послѣдняя проповѣдуетъ право ребенка. Мы уже теперь должны защищаться противъ такой критики, которая преувеличеніями доводитъ до абсурда очень разумную, по нашему мнѣнію, мысль. Намъ извѣстны всѣ возраженія нашихъ противниковъ, и мы можемъ ихъ уже впередъ перечислить: если ребенокъ, сидя на рукахъ у матери, пожелаетъ выпрыгнуть изъ окна третьяго этажа, то мать не должна препятствовать исполненію такого самостоятельнаго желанія; если ребенокъ пожелаетъ дотронуться до огня, то отнюдь не слѣдуетъ противиться священной волѣ ребенка. Вѣдь теперь должно родителей воспитывать,—дѣти же всегда, конечно, правы, и ихъ воля законъ.

Какъ живо представляю я себѣ этихъ оскорбленныхъ блюстителей авторитета, которые не могутъ перенести той мысли, то имъ вдругъ скажутъ, да еще, чего добраго,

въ присутствіи ихъ собственныхъ дѣтей, что они не правы, и что они далеко не могутъ служить образцами для всѣхъ. И мы не станемъ ихъ щадить и докажемъ всю неосновательность ихъ возраженій.

Нѣтъ, ребенку не слѣдуетъ позволить выпасть изъ окна, но будетъ весьма полезно допустить ребенка на гладкомъ полу нѣсколько разъ упасть. Всѣ дѣти падаютъ, и нѣтъ исключенія изъ этого правила, но на этомъ, весьма для него чувствительномъ опытѣ познаетъ онъ впервые законъ притяженія. Ребенокъ долженъ и палецъ обжечь—мы тоже все это продѣлали и благополучно выросли. Онъ долженъ на опытѣ познать, что есть такіе законы природы, противъ которыхъ не пойдешь и ничего не подѣлаешь. Животныя прекрасно знаютъ, какъ они должны жить, и что такое жизнь, а между тѣмъ у нихъ никогда не было гувернантокъ, и они не посѣщали школъ. Откуда же они все знаютъ и гдѣ научились этому? Они живутъ такъ разумно, что могли бы пристыдить взрослого человѣка. Они не пьютъ и не ѣдятъ того, что можетъ имъ повредить. Они не отравляются алкоголемъ и никотиномъ, не умираютъ на свободѣ отъ ожирѣнія сердца и обжорства. Неужели человѣкъ, если онъ не слишкомъ искалѣченъ искусственными воспитательными мѣрами, не обладаетъ подобной же способностью самостоятельно пробиться въ жизни и къ жизни!

Итакъ, правильно руководить дѣтьми—значитъ давать имъ возможность собирать и запасаться опытомъ. Мы имъ представляемъ эту возможность, когда допускаемъ ихъ жить правильной общественной жизнью съ людьми, а еще лучше—съ другими дѣтьми. Они при этомъ учатся также на опытѣ другихъ, а главное научаются ставить свою полную правную единичную волю въ правильныя отношенія къ многочисленнымъ и такимъ же полноправнымъ единичнымъ волямъ другихъ. Это именно то, что мы называемъ воспитаніемъ посредствомъ жизни. Намъ нечего опасаться, что въ современной культурной жизни молодой человѣкъ не найдетъ для своего развитія достаточно поощренія, понужденія и побужденія, или что онъ, среди тѣсно сплоченнаго населенія нашихъ городовъ и деревень, можетъ вырасти дикаремъ или хотя бы чудакомъ. Напротивъ, мы обязаны заботиться о томъ, чтобы молодое поколѣніе не слишкомъ пострадало отъ безжалостнаго гнета совмѣстной жизни, и преобразованное массовыми инстинктами и массовыми волями не потонуло бы незамѣтно. Наше школьное воспитаніе чувствуетъ тяготѣніе къ однообразной обмундировкѣ всѣхъ, какъ и войско, и общество. Тѣмъ болѣе обязано домашнее воспитаніе, къ сожалѣнію, очень склонное къ тому же,—бороться противъ этого безобразнаго массоваго обезличенія, охранять своеобразный семейный духъ, энергично сопротивляться натиску внѣшнихъ обезличивающихъ силъ.

Наша современная педагогика должна поддерживать силы воспитателя и научить его, какими средствами и способами онъ можетъ пробудить и укрѣпить въ дѣтяхъ самое важное въ жизни, а именно вѣру въ собственную врожденную природу и въ развитіе своихъ природныхъ силъ. Упрекъ въ радикальномъ индивидуализмѣ звучитъ для насъ не упрекъ, а похвалою. Потому что „радикальный“ значитъ, „основательный“, а индивидуализмъ значитъ „культъ личности“. Именно мы, нѣмцы, ни въ чемъ такъ не нуждаемся въ настоящее время какъ въ культѣ личности. Это должны были бы признать и быть намъ благодарны тѣ, кто до дрожи труситъ передъ демократіей и считаетъ себя аристократами крови и ума. Потому-то наша новѣйшая педагогика задалась цѣлью способствовать свободному развитію всѣхъ умственныхъ силъ, еще дремлющихъ въ нашемъ народѣ, и всѣхъ личныхъ качествъ. А это значитъ—открыть человѣчеству путь къ аристократизму, но вмѣстѣ съ тѣмъ это значитъ признавать необходимое, потому что оно естественное, словенное различіе. Ибо природа не демократична: она создаетъ самые разнообразные интеллекты и заботится о томъ, чтобы сынъ рудокопа, сталь, какъ основатель новой главы, выше царей и папъ; чтобы изъ семьи пекаря выросъ и развился аристократическій духъ Шиллера. Всѣ должны понять и главное сознать, что сумма духовныхъ силъ нашего народа есть естественное богатство и куда больше стоитъ, чѣмъ весь денежный капиталъ и всѣ матеріальныя силы страны, и что плоха та національная экономія, которая допускаетъ, чтобы подобный капиталъ лежалъ мертвымъ, или неумѣстнымъ обращеніемъ обезцѣниваетъ его. Такимъ образомъ воспитаніе есть самый важный вопросъ, самая важная задача не только для каждаго индивидуума, котораго воспитываютъ, но и для всего народа, а слѣдовательно для всего человѣчества. Тамъ, гдѣ ввѣдрится неправильное воспитаніе, страдаютъ не только цѣлыя поколѣнія дѣтей, но страдаетъ и вся культура, а съ ней вмѣстѣ и все матеріальное положеніе цѣлаго народа. Поэтому нѣтъ ни одного человѣка, который не былъ бы заинтересованъ въ вопросахъ воспитанія, и нѣтъ никого, кто имѣлъ бы право не допустить кого бы то ни было къ участию въ воспитательной работѣ.

Самой крупной ошибкой прошлаго вѣка было то, что все воспитаніе и вся отвѣтственность за него переданы были въ руки особо установленнаго для того начальства. Начальство никогда не можетъ этого выполнить, потому что начальство никогда не дѣлаетъ культуры и никогда этимъ не занималось. Воспитательная задача слишкомъ разносторонняя, слишкомъ сложна, чтобы ее можно было съ одного только пункта обозрѣть, не говоря уже о невозможности съ одной только точки зрѣнія руководить ею.

Такую задачу, которая может быть удовлетворительно выполнена только при содѣйствіи всѣхъ народныхъ силъ, и лучшая часть которой должна быть выполнена каждой отдѣльной семьей, нельзя отдавать въ чужія руки въ надеждѣ, что господа чиновники ужь сумѣютъ съ ней справиться. Благодаря этому лестному довѣрію къ высшему и наивысшему школьному начальству, нѣмецкій народъ разучился принимать самостоятельное участіе въ воспитательной работѣ, т. е. въ одной изъ важнѣйшихъ жизненныхъ задачъ. И это врядъ-ли поправимо. Единственный, быть можетъ, возможный путь къ этому—борьба съ насильственно вооруженными авторитетами, ясное и понятное всѣмъ доказательство ихъ непригодности и ошибочности, а также неустанное пробужденіе интереса въ народѣ къ вопросамъ, которые суть, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, народные вопросы и именно только народные. Одна изъ главныхъ задачъ новѣйшей педагогики дѣйствовать въ этомъ именно смыслѣ пояснительно и побудительно.

ГЛАВА V.

Естественное воспитаніе.

Нашъ новый воспитательный методъ долженъ носить и новое названіе. Я бы назвалъ его естественно-научнымъ, еслибъ не думалъ, что подобнымъ названіемъ можно возбудить подозрѣніе, что желательнo создать какую-то новую научную систему, которой можно заранѣе предсказать судьбу всѣхъ системъ. Но это подозрѣніе было бы неосновательнымъ, такъ какъ тутъ идетъ рѣчь о воспитаніи, которое сообразуется съ природой и стремится возстановить права природы. Многіе тотчасъ же скажутъ: значить это просто возрожденіе ученія Руссо, которое уже давно сдано опытомъ въ архивъ. Возвратъ къ природѣ оказался только парадоксомъ. Нельзя поощрять воспитаніе, которое, вмѣсто того чтобы вести насъ впередъ, ведетъ назадъ и не только игнорируетъ всѣ пріобрѣтенія культуры, но сознательно отрицаетъ ихъ и борется противъ нихъ.

Совершенно вѣрно. Но объ этомъ и рѣчи не можетъ быть. Ничто, созданное культурой, не должно быть разрушено. Ни одна культурная область, ни одна жизненная область не должны быть замкнутыми для юношества и будущихъ поколѣній, ни одна область знанія не должна быть ограничена. Нашъ новый воспитательный методъ будетъ только стремиться къ тому, чтобы развитію cadaго отдѣльнаго человѣка согласно съ его природой, въ великомъ движеніи

національного и челоуѣческаго развитія, была предоставлена полная самостоятельность, полная свобода. И я не сомнѣваюсь, что новѣйшая педагогика достигнетъ этого, особенно теперь, когда естественныя науки, а отчасти и неудача философскихъ теорій очистили ей, такъ сказать путь. Если мы въ наше время не будемъ разсматривать ребенка, какъ единичное существо, и не станемъ его оцѣнивать только съ момента его рожденія какъ живое существо, но проникнемъ въ тайну рожденія, обусловленнаго милліонами лѣтъ существующей исторіи каждаго отдѣльнаго ребенка и начнемъ воспитаніе съ изученія родителей и изслѣдованія вопроса: какія силы и побужденія можетъ путемъ наслѣдственности принести съ собой это новое существо, то это будетъ означать, что мы разсматриваемъ эту проблему съ естественно-научной точки зрѣнія. Мы всѣ стали біологами. Даже вѣрующіе должны рѣшиться на подобный шагъ, если не хотятъ подвергаться насмѣшкамъ ученыхъ. И они признали это, какъ когда-то, послѣ ожесточенной борьбы, признали ученія Кеплера, Галилея, Ньютона, идущія вразрѣзъ съ ихъ вѣрованіями. Они должны это признать, если не желаютъ быть исключены изъ рядовъ живыхъ дѣятелей. Слѣдовательно, и мы, педагоги, должны стать біологами и подчинить нашъ педагогическій трудъ познаніямъ, которыя управляютъ всей нашей умственной жизнью.

Тотъ, кто научится смотрѣть на ребенка какъ на представителя безконечнаго развитія, какъ на вѣнецъ и сумму всѣхъ силъ, накопленныхъ цѣлыми вѣками съ незапамятныхъ временъ и до нашихъ дней, и кто научится смотрѣть на это твореніе съ тѣмъ же священнымъ трепетомъ, съ какимъ онъ смотритъ на болѣе низшія созданія, напр. на зданія, возведенныя руками челоуѣка—на Парѳенонъ, на Кельнскій соборъ и т. п., кто дастъ себѣ ясный отчетъ, сколько милліоновъ лѣтъ потребовалось созидающему въ природѣ, чтобы наконецъ создать это совершенное твореніе, тотъ въ нѣмомъ изумленіи опуститъ руки, и если въ немъ еще уцѣлѣла хоть капля истиннаго благочестія, онъ въ молитвенномъ умиленіи преклонится передъ этимъ чудомъ творчества. И онъ прежде всего воздержится отъ какихъ бы то ни было оцѣнокъ и не заговоритъ тотчасъ же о грѣховности, о добрѣ и злѣ, малоцѣнности, декаденствѣ и низменности, а станетъ выжидательно наблюдать и постарается узнать, что дала ему природа въ этомъ новомъ твореніи.

Пусть намъ не кидаютъ пошлаго упрека въ безсмысленной сантиментальности, въ превозношеніи дѣтей до небесъ—тѣ самодовольные, умственно близорукіе люди, которые мнятъ этимъ вызвать презрѣніе къ намъ и къ нашей работѣ. И эти же люди, которые, не допуская даже малѣйшей критики, преклоняютъ колѣна предъ древнимъ текстомъ

какъ передъ божественнымъ откровениемъ, относятся съ большимъ неуваженіемъ къ ребенку—этому гораздо болѣе убѣдительному откровенію мірового творческаго духа.

Ребенокъ не отвѣтственъ за тѣ физическія и умственныя способности, которыя даны ему самой природой. Это данное, съ которымъ педагогу приходится считаться какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ, неотвратимымъ. Мы не можемъ превратить ребенка съ темными волосами и глазами въ блондина съ свѣтлыми глазами, и всѣ наши старанія въ этомъ направленіи будутъ осуждаться какъ грубость и физическое насиліе. Мы точно также не можемъ воспитаніемъ сдѣлать изъ ребенка съ медлительнымъ умомъ, плохими способностями, трудно усваивающаго и лишеннаго всякаго художественнаго чутія—ребенка съ живымъ умомъ, быстрымъ пониманіемъ и чутко воспринимающаго искусство. Вотъ съ чего должна начать свою работу новая педагогика: она должна, наконецъ, заранѣе твердо установить границы, послѣднія, такъ сказать, возможности ея труда, дабы не продолжать, какъ она это дѣлала въ теченіе многихъ вѣковъ, ставить неподходящія требованія неподходящимъ объектамъ и тѣмъ мучить себя и молодежь.

Есть люди, которые никогда не научаются владѣть иностраннымъ языкомъ, и тѣмъ не менѣе это не глупые люди—они только лишены отъ природы той частичной способности, которая необходима для изученія языковъ. Другіе же люди, обладающіе огромными музыкальными способностями и той частичной музыкальной памятью, которая даетъ имъ возможность разъ слышанную мелодію тотчасъ же воспроизвести,—оказываются въ другихъ областяхъ умственныхъ и производительныхъ работъ совершенно неспособными. Бываетъ и такъ, что дѣти, неспособныя научиться какому-нибудь предмету у одного учителя, прекрасно изучаютъ его съ другимъ, и наоборотъ. И все это зависитъ не отъ метода, не отъ учителя, а отъ существующей дисгармоніи между природой учащихся и учащихся. Гете когда-то высказалъ подобную мысль: мы научаемся только отъ того, кого мы любимъ. Наше естественное воспитаніе не потребууетъ ни отъ одного человѣка того, къ чему ему отъ природы не даны способности.

Новѣйшій воспитательный методъ никогда не требуетъ отъ ребенка того, чего его природа сама не требуетъ. Пусть намъ не возражаютъ, что дѣтская природа не способна руководить сама собой, и что поэтому дѣти безъ надлежащаго посторонняго руководства и вліянія не будутъ развиваться и пойдутъ по ложному пути. Это и есть то старое предвзятое мнѣніе, противъ котораго надо бороться самымъ рѣшительнымъ образомъ. И опять тѣ же естественныя науки поучаютъ насъ, что развитіе ребенка неустанно

идеть впередъ не только въ первые девять мѣсяцевъ послѣ оплодотворенія матери и до дня рожденія, но что это, такъ сказать, методичное развитіе всѣхъ нужныхъ человѣку органовъ и силъ продолжается и послѣ рожденія. Человѣкъ растеть физически и вмѣстѣ съ тѣмъ и умственно. Съ ростомъ мозга развиваются мыслительныя способности и побужденія къ дѣятельности.

Разумъ человѣческой растеть такъ же какъ растутъ волосы, а мысль и способность говорить развиваются такъ же просто и естественно, какъ и зубы. Средство, которымъ пользуется природа для развитія силъ—есть движеніе. Нѣтъ такихъ дѣтей, у которыхъ не было бы потребности и побужденія къ движенію, къ дѣятельности. Если они бездѣятельны умственно и физически, то это первый признакъ, что они больны.

Нормальный ребенокъ повинуется безсознательно закону развитія посредствомъ того, что мы называемъ игрой. Педагоги относятся или относились съ большимъ презрѣніемъ къ играмъ. Полагали, что во всякомъ случаѣ, съ началомъ посѣщенія школы, игры должны сами собой прекратиться, потому что наступаетъ серьезная суровая жизнь. Странно, что опять-таки наша эпоха открыла, какъ серьезно относится сама природа къ играмъ, и какъ важны, какъ необходимы для физическаго, умственнаго и моральнаго развитія человѣка эти игры. Только односторонніе, близорукіе и безсердечные педагоги могли ихъ презирать и полагать, что онѣ допустимы только въ первые годы жизни ребенка, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ являются до конца жизни каждаго здороваго человѣка веселымъ, хорошимъ побужденіемъ къ здоровой дѣятельности. Что такое наши театры, концерты, зрѣлища, да и все наше искусство, какъ не тѣ же игры. Развѣ наши мрачные и строгіе властители школъ не знаютъ, что вся, столь восхваляемая ими на словахъ, культура Греціи была именно культура игръ. Развѣ Парѳенонъ, Пропилеи, всѣ Панаѳипійскія празднества, всѣ представленія въ театрахъ Діонисія, всѣ мраморныя украшенія городовъ—были созданы для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей суровой практической жизни? Не существовали ли они скорѣе, какъ и вся философія и почти вся литература, для того, чтобы посредствомъ игръ умственныхъ и физическихъ, смягчать всю суровость жизни и примирять съ ней. Игры дѣтей должны, сообразно съ требованіями ихъ природы, вновь вступить въ свои права, какъ важнѣйшій и необходимѣйшій стимуль дѣтской жизнедѣятельности. Педагоги не должны думать, что имѣютъ право мучить дѣтей серьезнымъ, иногда непосильнымъ трудомъ, а игры отпускать имъ малыми дозами въ видѣ преміи за благонаравіе. Всѣ новѣшіе выводы новой педагогики не что

иное, какъ признаніе того, что старая, слишкомъ строгая и серьезная воспитательная практика должна вновь найти путь къ вѣчнымъ, а потому и истиннымъ законамъ природы. Не одни только люди, но и всѣ звѣри развиваютъ свои силы игрой. Все, что молодо на землѣ, играетъ. Играли молодые греки, играли молодые римляне, играли дѣти суровыхъ германцевъ—нашихъ предковъ. На старинныхъ египетскихъ фрескахъ видимъ мы изображенія игръ молодыхъ египтянъ. Путешествуя по самымъ отдаленнымъ странамъ сѣвера, смотримъ мы на игры дѣтей гренландцевъ и эскимосовъ, наблюдаемъ игры дѣтей африканскихъ дикарей, любуемся играми молодыхъ обезьянъ, весело качающихся на цѣпкихъ ліанахъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, видимъ молодыхъ лисинятъ, играющихъ подъ бдительнымъ надзоромъ матерей, мухъ и комаровъ, безопасно играющихъ въ лучахъ солнца—весь міръ повинуется закону природы—потребности игры. И куда бы мы ни направили нашъ взоръ, вездѣ видимъ мы молодое поколѣніе всѣхъ земныхъ твореній, въ играхъ подготовляющееся къ жизненной борьбѣ. Въ этой естественной жизнедѣятельности принимали участіе и взрослые, какъ только они побѣждали жизненныя невзгоды и удовлетворяли жизненныя потребности. Вѣчно и неизмѣнно возвращается природа къ этой здоровой, бодрой и радостной жизнедѣятельности—къ играмъ. И только одни школьные педанты не хотятъ ихъ признавать. Все разногласіе между ученикомъ и учителемъ, между школой и домомъ происходитъ оттого, что школа, ограничивъ первыми годами жизни ребенка игры, хотѣла положить имъ конецъ и противопоставила этой природной потребности ребенка серьезный, утомительный трудъ и всѣ свои строгія требованія. До тѣхъ поръ пока школьное воспитаніе, а также и домашнее, будетъ считать своей задачей и обязанностью вести борьбу противъ дѣтскихъ игръ, до тѣхъ поръ воспитаніе будетъ идти по ложному пути.

Одной изъ задачъ воспитанія является использование во всѣхъ направленіяхъ этого естественнаго побужденія дѣтей къ играмъ и, сообразуясь съ природой, умѣлаго примѣненія ихъ. Къ сожалѣнію, въ короткой статьѣ и въ нѣсколькихъ словахъ нельзя подробно доказать, сколько необходимыхъ для жизни силъ и познаній получается отъ игры и—въ этомъ заключается наша новѣйшая задача—какія могутъ и должны еще получиться. Я боюсь, что эта мысль, которой лично я придаю огромное значеніе, будетъ непонята, а разумный ея смыслъ искаженъ и превращенъ въ бессмыслицу. Взрослые отнюдь не должны заставлять дѣтей продѣлывать какія то бессмысленныя, лишеныя остроумія и собственной инициативы игры, которыя дѣтямъ никогда не пришли бы въ голову, и тѣмъ убивать, безъ всякой пользы, время. Они не

должны повторять прежнихъ ошибокъ старыхъ школьныхъ педагоговъ. Измышленіемъ искусственно хитроумной системы игръ и принужденіемъ дѣтей продѣлывать ихъ по росписанію, игра превращается въ такое же мученіе, въ какое педагоги превратили разумный трудъ. Это опять значило бы идти противъ природы, было бы насиліемъ и неисправимой ошибкой. Ребенокъ сталъ бы тогда съ такой же неохотой относиться къ игрѣ, какъ онъ теперь относится къ школьному труду и не видѣлъ бы никакой разницы между игрой и работой. Это уже ясно сказалось на практикѣ при примѣненіи такъ называемыхъ Фребелевскихъ игръ. Я прекрасно помню изъ собственнаго дѣтства, какъ мало доставляло мнѣ удовольствія хитро придуманное плетеніе, и оно меня такъ же раздражало и выводило изъ себя, какъ впослѣдствіи механическое списываніе грамматическихъ правилъ. Необходимо составить разумное руководство, въ которомъ главнымъ образомъ разбирался и разрабатывался бы вопросъ: какъ извлекать возможно больше пользы для развитія дѣтей изъ ихъ природной потребности въ играхъ. Это, какъ мнѣ кажется, самая необходимая и неотложная педагогическая задача. И я увѣренъ, что среди понимающихъ и сознающихъ эту необходимость народныхъ учителей найдется не мало желающихъ исполнить эту задачу.

Здѣсь, нѣтъ сомнѣнія, послѣдуетъ цѣлый рядъ возраженій со стороны противниковъ нашихъ воззрѣній на игры. И вотъ я хочу заранѣе устранить самое главное или, вѣрнѣе, самое обыкновенное изъ этихъ возраженій. Представители старой педагогики никакъ не могутъ отрѣшиться отъ предразсудка, что игры означаютъ послабленіе, и что къ нимъ слѣдуетъ относиться какъ къ чему то несерьезному, поверхностному. Они не знаютъ, что въ играхъ требуется и расходуется больше всего силъ. Играя сообразно со своей внутренней потребностью, играющій вкладываетъ въ игру высшее на что онъ способенъ. Поэтому мы видимъ, что играющія дѣти, да и играющіе взрослые, напрягаютъ до крайней степени свои силы, часто даже сверхъ силъ. О слабости и изнѣженности тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Въ жизни человѣку, а также и ребенку довольно уготовано самой жизнью препятствій, горестей и страданій, къ чему же еще намъ брать на себя роль какой-то строгой мрачной судьбы, и искусственно увеличивать ихъ горести и страданія. У дѣтей, какъ и у взрослыхъ, болятъ зубы, животъ, голова, дѣти падаютъ, расшибаютъ въ кровь колѣна, и руки, головы, набиваютъ себѣ синяки, рѣжутъ, обжигаютъ, обвариваютъ себя и все это продѣлываютъ, по неопытности, чаще, чѣмъ взрослые. Многія болѣзни—корь, скарлатина, коклюшъ, дифтеритъ, какъ бы созданы для нихъ. Между дѣтьми встрѣчаются слѣпые, хромые, калѣки, горбатые, не

мало и нервныхъ, сердечно больныхъ, припадочныхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить множество душевныхъ страданій, такъ какъ есть дѣти некрасивыя, физически слабыя, неспособныя. Но и среди здоровыхъ, нормальныхъ дѣтей не мало душевно страдаютъ отъ одиночества, заброшенности, насмѣшекъ, пренебреженія. Какой мучительный страхъ испытываютъ нѣкоторыя изъ нихъ въ темныхъ комнатахъ, среди чужихъ, когда на нихъ накидываются собаки, привязываются пьяные, когда они заблудятся, или когда взрослые назойливо пристають къ нимъ съ пошлыми фамиллярностями—а, къ сожалѣнію, почти каждый считаетъ себя въ правѣ это дѣлать. Какъ полонъ весь неизвѣстный имъ міръ страшныхъ видѣній и ужасовъ, полонъ воображаемыхъ и дѣйствительныхъ опасностей и горестей! Какъ часто страдаютъ они отъ жизненной несправедливости и несправедливыхъ обвиненій! Генрихъ Зейме рассказываетъ, что отецъ его—въ общемъ очень справедливый человѣкъ, заподозрѣвъ его, пятилѣтняго мальчика, въ кражѣ золотой монеты, почти до смерти избилъ, вымогая у него признаніе въ несовершенномъ имъ поступкѣ. А черезъ нѣсколько дней оказалось, что монету укралъ сынъ сосѣда. Это примѣръ, произвольно взятый изъ цѣлаго ряда подобныхъ фактовъ въ прошломъ и настоящемъ. Дѣти теряютъ любимые предметы, оплакиваютъ смерть близкихъ, горюютъ по сломанной куклѣ, умершей канарейкѣ, пропавшей собакѣ. Они душевно страдаютъ сильнѣе взрослыхъ отъ недостатка любви родныхъ, невѣрности друзей, несправедливыхъ укоровъ и строгихъ каръ, отъ пренебреженія и дурного обращенія близкихъ и товарищей, учителей и власть надъ ними имущихъ. Уже въ дѣтствѣ познаютъ они всю жестокость жизни, и переживаемыя впервые страданія дѣйствуютъ потрясающе на ихъ юныя души.

Въ берлинскихъ школахъ за четырнадцатилѣтній періодъ времени отмѣчено 165 самоубійствъ дѣтей моложе 15 лѣтъ. Причины, заставившія ихъ прибѣгнуть къ самоубійству, слѣдующія: жестокое и несправедливое обращеніе, страхъ наказанія или провалъ на экзаменахъ. Основанныя за послѣдніе годы общества защиты внѣбрачныхъ дѣтей, охраненія дѣтей отъ жестокаго обращенія и эксплуатаціи дѣтскаго труда, раскрываютъ предъ нашими глазами ужасающія картины дѣтскихъ страданій и нищеты. Не проходитъ дня, чтобъ газеты не сообщали какого-нибудь возмутительнаго факта звѣрскаго обращенія съ дѣтьми, о самоубійствѣ матери съ дѣтьми, рѣшившейся лучше разомъ покончить со всѣмъ, чѣмъ видѣть, какъ страдаютъ дѣти отъ лишеній и голода, о дѣтяхъ, продающихъ на улицахъ въ жестокую стужу спички, почти оконченѣвшихъ, но не рѣшающихся, несмотря на всѣ уговоры прохожихъ, идти домой, изъ страха жестокихъ побоевъ за то, что недостаточно выручили денегъ.

Какъ-то прочель я о самоубійствѣ мальчика „изъ-за отца“: онъ предпочель смерть стыду за вѣчно пьянаго отца.

Воистину дѣтямъ вполнѣ достаточно тѣхъ страданій, которыя имъ приходится выносить, пока они хоть нѣсколько не ориентируются въ этомъ жестокомъ мірѣ—къ чему еще подбавлять искусственной горечи въ ихъ, и безъ того полную горечи, жизненную чашу.

Даже въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда родители, въ избыткѣ любви къ дѣтямъ, доставляютъ имъ слишкомъ много и неправильно выбранныхъ радостей, страдаютъ дѣти отъ подобнаго безразсудства родителей. Пусть не думаютъ, что всѣ эти разряженные, прилизанные и выставляемые напоказъ тщеславными родителями молодая куколки чувствуютъ себя счастливыми въ окружающей ихъ роскошной обстановкѣ—нѣтъ, онѣ страдаютъ подобно пойманной птичкѣ въ золотой клѣткѣ. Всѣ эти запрещенія и наставленія о томъ, какъ имъ нужно вести себя, которыми гувернантки и матери стѣсняють и ограничиваютъ всѣ жизненные проявленія ихъ дѣтской природы, не позволяютъ имъ даже въ играхъ испытывать беззаботное веселье, а главное не допускаютъ ихъ до того, что можно назвать величайшимъ жизненнымъ счастьемъ—до здороваго и самостоятельнаго развитія ихъ силъ. Страданія, причиняемая переполненнымъ и испорченнымъ слишкомъ обильной пищей желудкомъ, не менѣе мучительны страданій голодающаго. Искусственно воспитанные дѣти, дѣйствительной природы которыхъ никто не понималъ, не принялъ во вниманіе, никогда не познаютъ настоящаго полного счастья. Потому что счастье, котораго не слѣдуетъ искать внѣ человѣка, можетъ только развиться въ самомъ человѣкѣ и заключается во внутренней гармоніи, въ равномѣрномъ и правильномъ развитіи всѣхъ силъ и въ правильномъ примѣненіи этихъ силъ къ окружающему. Но для этого нужна самостоятельность. Другой не можетъ дать намъ счастья, не можетъ даже приготовить намъ его. Каждое счастье и счастье каждаго должно быть добыто самостоятельно. Дѣти, вѣчно охраняемая, вѣчно руководимая, проходятъ мимо счастья. Человѣкъ долженъ самъ себя познать или, вѣрнѣе, найти себя, а затѣмъ въ самомъ себѣ и счастье. Чтобы найти себя, надо прежде всего испробовать свои силы, но для этого надо быть свободнымъ отъ всякихъ помочей, отъ всякихъ указокъ и выполнять, то, что возможно выполнить собственными силами. Первый успѣхъ собственной воли и собственной силы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и первый лучъ счастья и сознаніе побѣды. Подобно тому какъ собака, впервые поймавшая дичь, заливается неистовымъ радостнымъ лаемъ, такъ и ребенокъ приходитъ въ неистовый восторгъ отъ первыхъ проявленій и дѣйствій своихъ собственныхъ силъ,

отъ удачи первыхъ самостоятельныхъ шаговъ по комнатѣ загораются счастьемъ глаза ребенка, первый самостоятельно удавшійся рисунокъ, будь то самая плачевная пачкотня, пробуждаетъ въ ребенкѣ такое же чувство высокаго удовлетворенія, какое испытываетъ художникъ, создавъ настоящее произведеніе искусства.

Кто желаетъ воспитать дѣтей къ дѣятельной жизни, дать имъ возможность развить всѣ силы, познать настоящее счастье, тотъ долженъ, какъ можно раньше, предоставить ихъ собственному самостоятельному творческому стремленію. Наше теперешнее воспитаніе тиранически слѣдящее за каждымъ шагомъ и предписывающее всѣ цѣли, всѣ задачи, разрушаетъ своимъ педантическимъ насиліемъ всѣ элементарныя природныя силы, стремящіяся къ свободному развитію. Рѣшеніе задачи, навязанной чужой волей и чужимъ произволомъ, рѣдко можетъ удовлетворить здоровое самолюбіе дѣятельной воли. И вотъ для пробужденія самолюбія прибѣгаютъ къ искусственнымъ поощреніямъ, къ похвалѣ и порицанію, къ балламъ и наградамъ. Подобными приманками и побужденіями дѣйствуетъ принятая система воспитанія и обезцѣниваетъ такимъ образомъ трудъ и связанная съ трудомъ силы. Значитъ, и тутъ долженъ воцариться лозунгъ: союзъ съ природой и слѣдованіе всѣмъ ея вѣчнымъ законамъ. Мы проповѣдуемъ не возвращеніе вспять— нѣтъ, мы и шагу не сдѣлаемъ назадъ. Мы идемъ все впередъ, мы боремся противъ всего, что позади насъ, какъ стѣсняющаго и ограничивающаго нашу свободу. Итакъ, не возвратъ къ природѣ, а уваженіе и признаніе природы и свобода дѣйствій природы. Является еще второе возраженіе, много разъ и раньше опровергнутое, но такое живучее, что оно вновь выступаетъ противъ насъ, чтобы еще разъ быть опровергнутымъ. Природа грѣховна, говорятъ намъ, и дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, могутъ легко подпасть заблужденіямъ. Что можно отвѣтить на это? прежде всего мы должны постараться опредѣленно разъяснить это возраженіе. Что называютъ или считаютъ наши противники дѣтской грѣховностью, дѣтскими проступками и ошибками? Мы перечислимъ самые ужасные, самые худшіе: употребленіе самыхъ скверныхъ ругательствъ, истязанія животныхъ и товарищей, половыя заблужденія и извращенія.

Откуда явилось это у дѣтей? Отчасти отъ подражанья, частью отъ врожденныхъ потребностей, а также и отъ наивнаго побужденія къ познанію всего. Во всѣхъ случаяхъ несомнѣнно проявляется природа. Наши противники поставятъ намъ тотчасъ же на видъ что, значитъ, мы должны признавать эти проявленія природы и даже допускать ихъ, если мы дѣйствительно серьезно относимся къ проповѣдуемому нами естественному воспитанію. Можетъ ли быть сомнѣніе

въ томъ, что мы будемъ бороться противъ всѣхъ этихъ проявленій, какъ будемъ бороться противъ побужденія къ саморазрушенію, а также противъ разрушенія и нанесенія какого бы то ни было вреда такой же равноправной жизни другого существа. Мы не позволимъ ребенку выпасть изъ окна или выбросить другого—на одномъ и томъ же основаніи. Мы не позволимъ ребенку проявлять чѣмъ-либо половую дѣятельность—опять-таки на томъ же основаніи, что онъ этимъ можетъ нанести вредъ или даже разрушить собственную природу. Разница между нами и приверженцами старой морали заключается въ оцѣнкѣ этихъ проявленій и обращеній съ ними. Мы видимъ въ нихъ выраженіе отчасти слабой, неувѣренной, а отчасти и необузданной природы. Если ребенокъ—придержимся этого одного примѣра—самъ вызываетъ у себя половое возбужденіе, то онъ вначалѣ и не подозреваетъ, что дѣлаетъ что-либо недозволенное или преступное. Быть можетъ, побужденіе къ этому возбужденію лежитъ въ самой его природѣ, или же это вина случая, или же любопытство и побужденіе къ игрѣ наталкиваетъ на это ребенка, какъ на новую игру. Только вызванное этимъ чувство удовольствія, которое принципиально не отличается отъ какого бы то ни было другого ощущенія удовольствія, побуждаетъ его продолжать эту игру. Но эти первыя попытки могутъ превратиться въ болѣзненную и вредную привычку. Каждый изъ насъ согласится, что тутъ не можетъ быть вопроса о нравственности, и безнравственности. Только когда явится запрещеніе, и тѣмъ пробудится совѣсть ребенка, и начнется борьба между волей и чувственностью—тогда только получается нравственная проблема.

Но вопросъ о винѣ такимъ образомъ еще совершенно не разрѣшенъ. Потому что ребенокъ не отвѣтственъ за силу своей воли. Поэтому совершенно правильно наши врачи не говорятъ теперь больше о порочныхъ, а о больныхъ дѣтяхъ. Они знаютъ, что эти извращенія находятъ свое объясненіе большей частью въ слабой или ослабленной нервной системѣ. Въ этомъ случаѣ воспитатель долженъ помочь слабой природѣ. Это надо сдѣлать не запугиваніемъ и наказаніями, которыя вызовутъ новое разстройство нервовъ, но именно укрѣпленіемъ, сначала укрѣпленіемъ тѣла, а этимъ также и воли.

Второй примѣръ: жестокое обращеніе съ животными. Это старое наслѣдство первобытныхъ временъ человѣчества, оно вновь оживаетъ въ каждомъ человѣкѣ.

Совершенные культурные люди считаютъ себя въ правѣ истреблять всѣхъ такъ называемыхъ дикихъ звѣрей. Наши охотники отыскиваютъ этихъ животныхъ въ самыхъ отдаленныхъ и скрытыхъ уголкахъ земли, чтобы убивать ихъ. Они дѣйствуютъ такимъ образомъ не изъ необходимой

самообороны. Ни левъ, ни тигръ не угрожаютъ нашей жизни въ городахъ. Теперь стали съ ужасомъ замѣчать, что нѣкоторыя цѣнные животныя, которыхъ никогда ничѣмъ нельзя будетъ замѣнить, исчезаютъ съ лица земли. Тогда наконецъ пробуждается совѣсть въ человѣкѣ, и вопросъ объ охранѣ животныхъ вступаетъ въ совершенно новую стадію. Тамъ, гдѣ, значить, и взрослые не имѣютъ вполнѣ твердыхъ нормъ для своего собственнаго поведенія, имъ не подходитъ также выступать въ роли суровыхъ законодателей и судей по отношенію къ дѣтямъ. Мы напр., совершенно не знаемъ, какъ разовьется мораль по отношенію къ защитѣ животныхъ, когда наши дѣти станутъ взрослыми. Все это такъ сильно мѣняется, наши ближніе такъ различны между собою и такъ непослѣдовательны въ своей оцѣнкѣ.

Чтобы не закончить здѣсь вопросительнымъ знакомъ и не представить противникамъ возможности дешевой побѣды надъ нами, мы заключимъ эту главу правиломъ, которое пойметъ всякій ребенокъ и одобритъ всякій взрослый: Мы внушимъ ребенку съ дѣтства слѣдующее правило „не дѣлай никогда другому того, чего ты не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ“. Когда-же не помогутъ всѣ выговоры и увѣщанія, то мы ту-же справедливость, которая господствуетъ въ природѣ, возстановимъ у насъ, людей, уже въ дѣтской, тѣмъ, что заставимъ ребенка испытать ту боль, которую онъ причинилъ своему ближнему или животному, соотвѣтственной болью на самомъ себѣ. Обыкновенно ребенокъ ничего не знаетъ о томъ, что нѣмая тварь—животное, тоже испытываетъ боль. Высоко стоящіе въ культурномъ отношеніи народы, живущіе у Средиземнаго моря, также отклоняютъ отъ себя всякіе упреки въ дурномъ обращеніи съ животными, потому что: „*La bestia non e christiano*“. Здѣсь мы видимъ старую вину тѣхъ воспитателей, которые всегда проповѣдывали человѣку, что онъ стоитъ совершенно отдѣльно и выше всѣхъ въ природѣ, и такимъ образомъ убивали въ немъ сочувствіе и состраданіе къ другимъ животнымъ существамъ. Если наши дѣти и теперь еще жестоки, то въ нихъ говоритъ не только одна природа, но также и дурная традиція и дурной примѣръ: зачѣмъ ихъ отцы ходятъ на охоту? Зачѣмъ они принимаютъ участіе въ травлѣ животныхъ? Въ облавахъ на животныхъ? Почему они находятъ удовольствіе въ дрессировкѣ животныхъ? Зачѣмъ они допускаютъ и поддерживаютъ откармливаніе животныхъ? Почему они держатъ птицу въ клѣткахъ? Зачѣмъ матери носятъ птичьи чучела на своихъ шляпахъ? Зачѣмъ гастрономы ѣдятъ дроздовъ и жаворонковъ? Почему они допускаютъ, чтобы съ угрей живьемъ сдирали кожу? Почему они кипятятъ живыхъ раковъ? Зачѣмъ они рассылаютъ въ корзинкахъ живыхъ омаровъ и потомъ отламываютъ имъ

члены? Однимъ словомъ: зачѣмъ отцы терпятъ вокругъ себя всѣ эти ужасныя жестокости, если они такъ серьезно озабочены нравственнымъ и гуманнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей?

Мы не должны, значить, обвинять природу въ томъ, въ чемъ мы должны обвинять самихъ себя. Тѣ инстинкты, которыми природа одарила человѣка, нужны для жизни и дѣятельности человѣка. Это есть и останется нашимъ убѣжденіемъ. Намъ же остается только задача сдѣлать нашъ разумъ, который также есть часть природы, руководителемъ нашей жизни. Это не означаетъ ни убивать, ни уклоняться отъ природы, это означаетъ только свободную совмѣстную работу. Одинъ инстинктъ не долженъ брать верхъ надъ другими; одна натура не должна уничтожать другой; разумъ долженъ управлять природой въ отдѣльной жизни, какъ хорошее правительство управляетъ цѣлымъ народомъ.

Разумная склонность къ подвижнымъ играмъ, использованная и педагогически примѣняемая, развиваетъ въ молодежи много личныхъ и социальныхъ силъ безъ существеннаго содѣйствія воспитателя. При самостоятельно избираемыхъ массовыхъ играхъ каждый участникъ долженъ приспособиться и подчиниться существующимъ правиламъ игры. Это развиваетъ правосознаніе, представляетъ поле для благороднаго состязанія во всѣхъ мужскихъ добродѣтеляхъ: въ ловкости, силѣ, выдержкѣ, твердости, чувствѣ товарищества, въ быстро, и сознательно принимаемыхъ рѣшеніяхъ и поступкахъ. Этимъ молодежь сама лучше готовится для социальной жизни, чѣмъ это могутъ сдѣлать теоретическія наставленія воспитателей. Последнее убѣжденіе примѣняется съ особенной пользой уже въ Англіи, Америкѣ и Швейцаріи.

Но въ играхъ развиваются также лучше и естественнѣе всего всѣ богатая, дремлющая въ ребенкѣ силы фантазіи и творчества, сообразительность и даръ изобрѣтательности, а вмѣстѣ съ этимъ способности и силы для творческой работы. На этихъ данныхъ основаны тѣ блестящіе успѣхи, которыхъ достигаютъ въ школахъ преподаваніемъ ручного труда; ими же свободный союзъ „Игра и работа“ въ Берлинѣ началъ борьбу съ устарѣвшей воспитательной и школьной системой.

Мы требуемъ воспитанія, которое согласуется также съ производительной жизнью страны, и дѣлаетъ молодежь дѣльной и пригодной для этой жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Мы хотимъ, чтобы ежедневный опытъ былъ живой почвой всѣхъ наставленій и, чтобы все, чему научается ребенокъ, находило также свое полезное примѣненіе къ жизни. Мы относимся къ культурѣ не какъ къ противоположности природы, а какъ къ ея улучшенію и возвышенію, и служимъ ей по этому съ полной преданностью, но служимъ разумно. Она должна

давать возможность человеку развиваться индивидуально и по тому закону, который родился вмѣстѣ съ нимъ. Мы такимъ образомъ не избѣгаемъ, нѣтъ — мы ищемъ связи съ современной культурной жизнью, мы пользуемся всѣми новыми приобрѣтеніями и успѣхами культуры, не переоцѣнивая все таки черезъ мѣру все то, что достигнуто ею. Мы раздѣляемъ также всѣ блужданія въ религіозной и моральной области, потому что не вѣримъ въ „вѣчныя цѣнности“ находимъ, что все движется и мѣняется.

Воспитаніе по законамъ природы должно считаться съ потребностями дѣтей, служить имъ, и видѣть въ каждомъ ребенкѣ, какъ на живомъ примѣрѣ, повтореніе всей исторіи культуры. На всякомъ ребенкѣ можно изучать біологическіе законы физическаго и духовнаго развитія: всякій ребенокъ безсознательно повторяетъ еще разъ культурный подъемъ человѣчества, благодаря которому низшія существа развились въ охотниковъ, скотоводовъ, воиновъ, земледѣльцевъ и горожанъ. Если мы каждый разъ сознательно идемъ по этому пути, то даемъ возможность молодежи развиваться совершенно естественнымъ путемъ, по которому она слѣдуетъ съ внутреннимъ удовлетвореніемъ и очень охотно. Когда мы относимся такимъ образомъ къ ребенку, какъ продукту культуры и эволюціи, когда поощряемъ его къ самостоятельности, когда при этомъ правильно руководимъ имъ — то воспитываемъ его не антикультурно, а, при посредствѣ природы, истинно культурно. Это то, къ чему стремимся мы, реформаторы въ дѣлѣ воспитанія.

ГЛАВА VI.

Примѣръ и привычка.

Теоретически-философскій разборъ вопроса о сущности добродѣтели и порока здѣсь неумѣстенъ. Но первый законъ для всякаго живого существа — это законъ самосохраненія. Безъ эгоизма не существовало бы инстинктовъ осторожности, мужества; не было бы борьбы, побѣды. Безъ эгоизма человекъ отказался бы отъ своей жены, своего жилья. Безъ эгоизма не было бы толчка для работы, для изобрѣтенія. Безъ эгоизма всѣ живыя существа погрузились бы въ лѣнивое, безразличное состояніе. Поэтому природа ребенка уже надѣляетъ неумолимо-строгимъ чувствомъ себялюбія. Своимъ первымъ крикомъ, которымъ онъ требуетъ пищи, ребенокъ даетъ знать о своемъ твердомъ желаніи жить и получить отъ матери, или той, которая замѣняетъ ему мать, возможность сохраненія своей жизни. Но тотъ самый источникъ,

который здѣсь признается нами главнымъ и истиннымъ источникомъ жизни, порождаетъ, конечно, также цѣлый рядъ страстей и насильственныхъ поступковъ, которые мы называемъ порочными: необузданную дикость, чувство мести, жестокость, упрямство, закоснѣлость, ложь, хитрость, обманъ, убійство и смерть. Всѣ проявленія этихъ свойствъ человеческой природы классифицируются въ зависимости отъ пользы, приносимой ими обществу, то добродѣтелю, то порокомъ. Но человекъ нуждается во всѣхъ этихъ свойствахъ, и потому мы не должны съ самаго начала бороться и уничтожать ихъ до основанія. На войнѣ намъ нужна страстная, а также хитрая, упорная и способная на насилія, воля. Намъ нужно также любопытство дѣтей, иначе откуда-же можетъ произойти тогда жажда знанія и образованія взрослыхъ? Намъ нужно легкомысліе, иначе откуда-же возьмется тогда отвага мореплавателей и ищущихъ новыя невѣдомыя страны путешественниковъ? Намъ нужна разсѣянность дѣтей. Если-бы ихъ умъ уже съ дѣтства отдавался во власть отдѣльнымъ и единичнымъ впечатлѣніямъ и задерживался бы на нихъ, то дѣти не могли бы освоиться и переработать всего громаднаго количества впечатлѣній, окружающаго ихъ міра. Разсѣянные дѣти—это дѣти съ разнообразными интересами. Хмурая старческая педагогика повторяетъ постоянно одну и ту-же ошибку, когда она считаетъ своимъ долгомъ уничтожить всѣ условія, данныя ребенку самой природой для нормальной жизни, только для того, чтобы въ ребенкѣ уже выработать существо, которое отвѣчало-бы требованіямъ стариковъ. Конечной цѣлью, унаслѣдованной нами педагогикой, является, во всѣхъ отношеніяхъ, еще и теперь, желаніе привить ребенку свою страсть. Ребенокъ не долженъ оставаться ребенкомъ. Дѣтскія свойства не должны считаться добродѣтелями: какъ извѣстно, юность не имѣетъ никакихъ добродѣтелей. Только старики добродѣтельны. А между тѣмъ всѣ эти свойства такъ всецѣло необходимы для выработки изъ ребенка того, къ чему стремится природа, и къ чему должны были бы стремиться и мы: а именно—свободной самодержавной личности!

Природа и здѣсь даетъ намъ правильное указаніе, какимъ образомъ общество можетъ посредствомъ примѣровъ, имъ самимъ созданныхъ, просто силой привычки, воспитать въ духѣ соціальныхъ требованій каждаго новаго члена общества. Кто даетъ дѣтямъ возможность знакомиться и освоиться съ жизнью взрослыхъ, какъ это дѣлаютъ животныя, которыя не знаютъ отдѣленія отъ себя дѣтенышей, тотъ не нуждается въ томъ, чтобы воспитывать своихъ дѣтей многословными нравоученіями. Примѣръ впечатлѣнія, и опытъ — все это дѣйствуетъ само-по себѣ. Слово „воспитаніе“ мы можемъ вычеркнуть, а вмѣсто него поставить слово „примѣръ“. Мы должны показывать этотъ примѣръ дѣтямъ только въ про-

цессъ самой жизни,—кто это умѣетъ, тотъ истинный отецъ, воспитатель, властелинъ; кто этого не умѣетъ, тому никакія умныя рѣчи не помогутъ. Авторитетъ, который въ тоже самое время не примѣръ — дѣйствуетъ деморализующе, тѣмъ болѣе деморализующе, чѣмъ болѣе онъ морализируетъ на словахъ. Самое молчаливое воспитаніе—самое лучшее воспитаніе. Правильное воспитаніе должно быть молчаливымъ, потому что разумное не нуждается въ объясненіи. Если наше современное городское воспитаніе дома и въ школѣ жалуется на безсиліе своего авторитета, то этимъ оно само себя обвиняетъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣти не признаютъ смысла изученія грамматики, обязательности изученія иностранныхъ языковъ, и поэтому отрицаютъ всю эту часть школьной программы, какъ нѣчто чужое, насильственное, противное природѣ, и скучное. Чѣмъ разумнѣе воспитаніе, тѣмъ оно легче. Разумное понимается само-собой. Разумное является также естественнымъ. Такимъ образомъ, всѣ наши разсужденія приводятъ насъ къ той основной истинѣ, что и воспитаніе также болѣетъ и гибнетъ, если оно удаляется отъ вѣрнаго пути природы. Всѣ искусственные и тонко придуманные цѣли и методы воспитанія должны навлекать на себя подозрѣніе въ томъ, что они насилуютъ природу. Самое скромное, что требуетъ меньше всего напряженія ума и меньше всего вызываетъ восхищеніе въ другихъ, и здѣсь самое здоровое и разумное.

Было-бы трудно въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ показать и объяснить, какъ ложно наше школьное воспитаніе, постоянно отягощаемое столѣтними традиціями, и какъ мало у насъ средствъ, чтобы изъ нашей неуютной запутанной, мрачной школьной системы воздвигнуть зданіе, которое соотвѣтствовало-бы всѣмъ современнымъ потребностямъ. Самая существенная наша ошибка заключается въ томъ, что мы не осмѣливаемся похоронить все отжившее и мертвое, и изъ за ложнаго движенія къ прошлому, забываемъ гораздо болѣе необходимое уваженіе къ будущему: мы хотимъ удовлетворить ученія требованія различныхъ почтенныхъ старцевъ, и считаемъ это важнымъ, вмѣсто того, чтобы думать и заботиться объ единственно важной для насъ вещи, о благѣ дѣтей. Воспитаніе вступило на ложный путь съ того самаго дня, когда въ первый разъ дѣти были отняты у родителей, которые такимъ образомъ не могли быть больше для нихъ примѣромъ. Какимъ-бы парадоксомъ это не звучало, мы должны сказать, что больше всего воспитаніе пострадало отъ профессиональныхъ воспитателей. Самое естественное и само собой понятное—это то, чтобы сынъ былъ похожъ на своего отца, если возможно, чтобы онъ былъ лучше его, лучше, благодаря тому, что онъ используетъ житейскій опытъ своего отца. Въ этомъ обстоятельстве лежитъ возможность его со-

вершенствованія и успѣха. Такъ дѣло обстояло въ срединѣ вѣка, въ рыцарскомъ и городскомъ сословіяхъ, такъ оно обстоитъ въ главныхъ своихъ чертахъ и въ наше время въ крестьянскомъ сословіи. И теперь было-бы лучше для большинства дѣтей изъ средняго, городского сословія, если бы они принимали участіе въ жизни своихъ отцовъ, дѣвочки—своихъ матерей. Здѣсь они могли-бы видѣть многое, что имъ потомъ пригодится въ жизни; пользоваться и жить въ атмосферѣ истиннаго, устойчиваго духа семьи, здороваго домашняго ухода, наслаждаться такимъ образомъ вообще всѣми благами заложенной въ семью культуры, которыхъ мы здѣсь не можемъ охватить въ немногихъ словахъ. Это было бы гораздо лучше, чѣмъ посылать ихъ съ юныхъ лѣтъ въ школы, гдѣ чужіе люди хотятъ вести ихъ къ далекимъ, непонятнымъ для нихъ цѣлямъ. Все, чѣмъ дѣти занимаются въ школѣ изо дня въ день, изъ года въ годъ, имѣетъ слишкомъ мало живого отношенія къ ихъ домашней жизни слишкомъ мало связано со всѣми накопленными, дѣтьми, до ихъ школьной жизни, впечатлѣніями и вынесеннымъ ими опытомъ. Трагическая сторона нашего школьнаго воспитанія заключается въ томъ, что оно всецѣло игнорируетъ первые и важнѣйшіе годы жизни ребенка, что оно на шестомъ году его жизни вырываетъ, между нимъ и его прежней жизнью, пропасть, черезъ которую никогда потомъ не можетъ образоваться настоящей мостъ. Ребенокъ, который въ первые шесть лѣтъ своей жизни накопилъ согласно природѣ, а потому и разумнымъ путемъ, на примѣрѣ своихъ родителей и въ духѣ общества окружающаго его міра, громадное количество впечатлѣній и свѣдѣній, не находитъ въ школѣ стараго направленія продолженія своей жизни и опыта. Мало того, школа враждебно относится къ прежнимъ свѣдѣніямъ и опыту ребенка, и учитъ его находить ложными и ненужными множество вещей, которыя до сихъ поръ считались для него необходимыми и само собой понятными.

Естественный родной языкъ ребенка становится въ школѣ предметомъ критики и научнаго разбирательства. При этомъ ребенокъ узнаетъ, что онъ неправильно говоритъ, хотя онъ говоритъ вѣдь на языкѣ своихъ родителей. Онъ узнаетъ такимъ образомъ, къ своему величайшему изумленію, что даже его родители, въ которыхъ онъ до сихъ поръ видѣлъ и почиталъ воплощеніе человѣческой мудрости, не могутъ удовлетворить требованія учителя. Ребенокъ начинаетъ поэтому недовѣрчиво относиться ко всему, что онъ прежде зналъ и любилъ. Онъ скоро пріучается также презирать домашнія занятія матери, ремесло или занятіе своего отца. Построенная на принципѣ древне-римской schola, съ ея несправедливой переоцѣнкой формальной умственной работы и презрѣніемъ къ ремеслу и всякому физическому труду, наша

школа уже съ дѣтства прививаетъ ребенку губительно—гордое сознаніе, что онъ своей умственной работой дѣлаетъ нѣчто гораздо высшее и болѣе важное, чѣмъ отецъ и мать дома. Тогда начинается блѣднѣть примѣръ родителей. Учитель наслѣдуетъ родительскій авторитетъ, что приводитъ къ противорѣчію между домомъ и школой; отъ этого страдаетъ авторитетъ и дома и школы. Самый частый и справедливый упрекъ, дѣлаемый нашей школѣ, это тотъ, что она отчуждаетъ дѣтей отъ семьи и отъ жизни. Хотя школа утверждаетъ, что она подготавливаетъ дѣтей для жизни, но она выбираетъ для этого неподходящія средства. Не надо готовить для жизни людей, которые сами уже принимаютъ въ ней участіе.

И ребенокъ вѣдь живетъ уже въ жизни, и нужно только заботиться о томъ, чтобы онъ оставался въ ней. Школа должна была бы быть, ничѣмъ инымъ, какъ союзомъ общежитія, она должна такимъ образомъ стать тѣмъ, чѣмъ хотимъ ее сдѣлать мы—школьные реформаторы: школой для жизни, между тѣмъ какъ до сихъ поръ она была школой для ученія.

Наши учителя только теперь пришли къ интересному открытію, что и для школы лучше всего, когда она непосредственно связана съ собственной жизнью и съ собственнымъ опытомъ дѣтей. Счастливыя и успѣшныя усилія нашихъ народныхъ учителей спустили дѣтское сочиненіе съ его заоблачныхъ высотъ и сдѣлали его тѣмъ, чѣмъ оно всегда должно было-бы быть: свидѣтельствомъ и описаніемъ пережитыхъ самими дѣтьми впечатлѣній и событій. Очень удачная реформа проведена также и въ преподаваніи рисованія, которое, отказавшись отъ своей прежней принудительной системы, старается развивать непосредственно заложенныя уже въ маленькомъ ребенкѣ изобразительныя способности. Плодотворенъ также новый методъ преподаванія ручного труда, который даетъ возможность ребенку практически упражняться въ измѣреніи, вычисленіяхъ, счетѣ, построеніи, вмѣсто того, чтобы преподавать ему эти предметы, какъ это дѣлалось раньше, по математическимъ книгамъ, чисто теоретическимъ образомъ, какъ нѣчто совершенно для него новое, и въ строгомъ, чисто умственномъ, логическомъ порядкѣ. Однимъ словомъ: новые успѣхи во всѣхъ методахъ обученія дѣтей—это признаніе нашего требованія брать за исходный пунктъ дальнѣйшаго развитія ребенка его природу и ея потребности, а также сильный въ немъ инстинктъ подражанія.

Послѣднее утвержденіе приводитъ насъ естественно къ критикѣ тѣхъ людей и ихъ работы, которые государствомъ, и по своему внутреннему убѣжденію, призваны въ наше время къ воспитанію юношества и должны такимъ образомъ также служить образцомъ для домашняго воспитанія. Учитель долженъ быть примѣромъ для юношества. Это призна-

вали и этого требовали во всё времена. Чѣмъ-же, должны мы спросить теперь, удовлетворяетъ этому требованію современный учитель?

Если мы рассматриваемъ это требованіе въ широкомъ смыслѣ—то учитель долженъ воспитать изъ юношей учителей же. Дѣятельность учителя можетъ служить примѣромъ только для будущаго учителя. Хотя наша школа утверждаетъ, что ея учителя могутъ служить примѣромъ и для другихъ будущихъ профессій своихъ учениковъ, и указываетъ при этомъ на добросовѣстность учителей, на ихъ образъ жизни, на вѣрность своимъ обязанностямъ. Ученикъ долженъ глубоко запечатлѣть въ своей памяти, какъ образцовый примѣръ для собственной своей будущей жизненной дѣятельности, точность и аккуратность, съ которой учитель является на службу, заботливость и тщательность, съ которыми онъ исправляетъ ученическія тетради и съ которыми старается пройти съ ними изучаемый предметъ. Конечно, безъ вліянія все это не можетъ остаться. Но это вліяніе далеко не такое сильное, какимъ оно могло и должно было-бы быть, если-бы ребенокъ видѣлъ передъ собой работника, котораго онъ могъ-бы наблюдать въ различныхъ положеніяхъ жизни, видѣть и за другими занятіями, а главное постигнуть, благодаря ему общій идеалъ и цѣль работы. Такой, по мнѣнію многихъ учениковъ, потраченный на недостойный объектъ, трудъ, какъ на примѣръ исправленіе тетрадей, рассматривается многими учениками скорѣе, какъ тягостный педантизмъ и скучная подневольная работа, чѣмъ дѣятельность, достойная подражанія. Они по праву желали-бы видѣть передъ собой людей, а тамъ гдѣ рѣчь идетъ о дѣвушкахъ также женщинъ—подчеркивать это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ я считаю лишнимъ—они хотятъ, значить, видѣть передъ собой живые примѣры людей, борющихся ради какой-нибудь трудной цѣли. Какой-нибудь физически сильный и смѣлый борецъ можетъ служить, для здороваго и сильнаго мальчика, гораздо лучшимъ примѣромъ и сильнѣе воодушевлять его собой, чѣмъ добросовѣстный чиновникъ.

Дѣти, которыя дѣйствительно видятъ въ своихъ учителяхъ жизненный примѣръ для себя, обыкновенно уже перестали быть дѣтьми, благодаря тяжелому школьному режиму. У дѣтей существуетъ сильная потребность проявлять свои силы въ какой-нибудь дѣятельности, они хотятъ живой работы, а не проводить свои лучшіе годы по пусту, въ теоретической подготовкѣ для этой будущей работы. Вѣдь никому не приходитъ въ голову подготавливать въ продолженіи многихъ лѣтъ какого-нибудь молодого ремесленника, каменьщика или плотника, для его будущей профессіи путемъ лекцій, или заставляя его заучивать наизусть какія-нибудь научныя положенія. Нѣтъ, здѣсь поступаютъ иначе

и вполне разумно: ученика берутъ возможно раньше съ собою на мѣсто постройки или въ строительную контору. Только учитель, работающій надъ своей высокой задачей съ полной затратой всѣхъ своихъ силъ, можетъ стать для учениковъ примѣромъ, которому они захотятъ подражать. Въ какой-бы области не работалъ воспитатель юности, онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ быть въ этой области всегда передовымъ борцомъ. Только поучать—это не есть, само по себѣ, самодовлѣющее призваніе. Поученіе должно, при полной и всесторонней мужественной работѣ, отпасть, такъ какъ оно только сопровождающее явленіе. Кто подаетъ собой настоящій примѣръ, не долженъ заботиться и трудиться надъ дальнѣйшимъ. Бисмаркъ не создалъ въ собственной бисмарковской школѣ ни одного подобнаго ему по уму и патриотизму дипломата. Гёте ни одной мыслью не позаботился объ основаніи Гётевской школы. Гдѣ работаетъ и творитъ мастеръ, тамъ само-собой являются и ученики, которые учатся у него, смотря на его пальцы, которыми онъ работаетъ надъ своимъ произведеніемъ. Наши школы даютъ хорошіе результаты тамъ, гдѣ ученики учатся на примѣрахъ людей, выдающихся въ научной или художественной областяхъ, самые лучшіе результаты получаютъ поэтому въ мастерскихъ художниковъ и въ лабораторіяхъ выдающихся естествоиспытателей и врачей. И въ нашихъ среднихъ школахъ дѣло хорошо поставлено тамъ, гдѣ учителя являются одновременно и работающими учеными или художниками. Конечно, такіе учителя должны имѣть разрѣшеніе отступать отъ педантичной школьной программы, чтобы показывать своимъ ученикамъ все существенное изъ ихъ собственной творческой работы. Специализація различныхъ отраслей знанія имѣла все-таки можетъ-быть главнымъ образомъ дурное вліяніе на все дѣло воспитанія, такъ какъ оно разрушило личное вліяніе на учениковъ. Наши ученики предоставлены теперь цѣлому ряду специалистовъ, которые довольствуются передачей имъ совершенно готовыхъ уже специальныхъ познаній. Ушедшій весь такимъ образомъ въ свою учительскую профессію воспитатель не имѣетъ зачастую ни времени, ни желанія, чтобы слѣдить за послѣдними задачами своей науки, именно потому, что онъ весь уходитъ и долженъ уходить въ свою учительскую обязанность. Все ученіе и вся педагогика ставятъ такимъ образомъ передъ собой абсолютную цѣль. Учитель не является больше человекомъ, который, напрягая всѣ свои силы, работаетъ для высокой жизненной цѣли на границѣ между областью знанія и общественной жизни, а сталъ посредникомъ въ передачѣ знанія уже прожитой жизни и такимъ образомъ только хранителемъ традиціи, гувернеромъ дѣтей. Отсюда происходитъ то, что и къ нему легко прививается что-то дѣтское.

Учитель постоянно снисходитъ къ дѣтямъ, старается понять ихъ духовную жизнь, ихъ мысли; отсюда—невозможность развитія въ себѣ самомъ зрѣлой личности. Отсюда, вѣроятно, происходитъ и то, что во всѣ времена придавало смѣшной оттѣнокъ званію учителя и что заставляло зачастую послѣдняго становиться въ позу властелина. Среди людей дѣла учитель представляется намъ не вполне равнымъ имъ. На основаніи, можетъ быть и вполне справедливыхъ, соображеній, мы отдаемъ учителю должную ему честь, но наше внутреннее чувство не хочетъ съ этимъ согласиться. Онъ есть и остается все таки для насъ школьнымъ учителемъ и, когда рядомъ съ нимъ появляется военный, который получилъ на полѣ сраженія желѣзный крестъ, или мореплаватель, который сто разъ перенесъ морскія бури, строитель, который разрѣшилъ трудную строительную проблему, политикъ, который совершилъ важный для своего народа актъ—учитель кажется намъ челоѣкомъ со скромными жизненными задачами. Этого не было-бы, еслибы учитель опять сталъ принимать участіе въ широкомъ потокѣ жизни, еслибы онъ опять вступилъ въ ряды передовыхъ борцовъ, подобно тому какъ прежніе передовые борцы жизни стали нашими учителями. Наши власти требуютъ, чтобы учитель былъ только чиновникомъ и только учителемъ и, еслибы онъ, на примѣръ, сталъ заниматься политикой, то его легко заподозрили-бы въ неисполненіи обязанностей и въ отступленіи отъ долга. Въ прежнія времена, когда большинство учениковъ классическихъ гимназій становилось опять таки филологами, профессорами филологіи въ университетахъ или учителями гимназій, учитель нѣкоторымъ образомъ могъ служить примѣромъ для учениковъ. Въ наше время ученикъ ищетъ уже во время своего школьнаго ученія примѣры для своей будущей жизни внѣ школы, и въ умѣ своемъ онъ уже давно рѣшилъ стать офицеромъ, капитаномъ, инженеромъ или художникомъ въ то время, какъ учитель въ самомъ лучшемъ случаѣ даетъ ему только теоретическую подготовку для всѣхъ этихъ профессій.

Воспитатель долженъ быть примѣромъ для ученика не только во время немногихъ лѣтъ, проводимыхъ послѣднимъ въ школѣ, но, если возможно и для дальнѣйшей его жизни. Для этой цѣли наши учителя, въ особенности народные, должны были-бы перестать выступать въ качествѣ регентовъ хоровъ, канцеляристовъ или конторскихъ писцовъ; зато они, должны вмѣсто этого, приобрѣсти познанія въ сельскомъ хозяйствѣ, всевозможныхъ видахъ ручного труда, освоиться съ ремеслами и вообще всякаго рода практическими работами. Вмѣсто того, чтобы заниматься постоянно грамматическимъ разборкомъ предложеній и толкованіемъ непонятныхъ изреченій въ библіи, учителя должны водить дѣтей въ

сады и огороды, показывать имъ, какъ надо воздѣлывать овощи, сажать плодовые деревья, разводить пчелъ. Они должны также объяснять дѣтямъ, что такое вѣтеръ, солнце, луна, времена года и ихъ особенности. Ученики должны ходить въ мастерскія и тамъ прилежно работать въ качествѣ столяровъ, плотниковъ, слесарей. Сельскій учитель долженъ быть не только самымъ знающимъ, но и самымъ нужнымъ, и практичнымъ человѣкомъ въ своей деревнѣ. Онъ долженъ быть человѣкомъ, съ которымъ крестьянинъ охотно бесѣдуетъ о земледѣліи, о постройкѣ домовъ, о проложеніи дорогъ, канализации и желѣзнодорожномъ сообщеніи. Еслибы учитель могъ бы также самъ сдѣлать себѣ мебель, украсить стѣны своего дома картинами въ рамкахъ своей-же работы, какимъ удивительнымъ человѣкъ онъ былъ-бы тогда въ глазахъ своихъ учениковъ! Тогда все то чему обучаютъ дѣтей въ школѣ стояло-бы въ живой связи съ жизнью, со всѣмъ тѣмъ, что цѣнно въ ней. Для дѣльныхъ, реальныхъ цѣнностей само собой находятся и нужныя мысли и слова. Они лежатъ уже въ нихъ самихъ.

Истинная и правильная педагогика должна и въ дальнѣйшемъ спуститься съ облаковъ и стать на сильныя, крѣпкія ноги; она должна освободиться отъ идеи и ложнаго идеализма, чтобы снова стать разумной; она должна также освободиться отъ абстракціи, и схемъ.

ГЛАВА VII.

Долгъ.

Отношенія между воспитателемъ и воспитанниками получаютъ свое законное выраженіе въ томъ, что мы обозначаемъ словомъ „долгъ“. Принято думать при этомъ преимущественно о долгѣ воспитанника. Долгъ воспитателя, который существуетъ, конечно, въ равной мѣрѣ и у послѣдняго, представленъ, какъ нѣчто само собой понятное, правосознанію взрослыхъ. Въ протестантскихъ странахъ источникъ этого лежитъ въ высококомъ значеніи, которое признавалось за родителями и воспитателями, какъ замѣстителями Бога. Вслѣдствіе этого они были облечены такой полнотой власти, рядомъ съ которой, конечно, уменьшалось чувство и сознаніе отвѣтственности. Пока существуетъ гарантія, что старшее поколѣніе вполнѣ правильно понимаетъ взаимное отношеніе между правомъ и обязанностью, до тѣхъ поръ обезпечено также и младшее поколѣніе. Но историческій опытъ учитъ насъ, что понятія объ объемѣ и суммѣ обязанностей, возлагаемыхъ взрослыми на юношество, произвольны и непо-

стоянны; воспитанникъ находить правовую защиту только отъ грубыхъ пріемовъ и нарушенія его правъ; и именно только тогда, когда находится обвинитель. У самого ребенка и воспитанника оспаривается право жаловаться. Кромѣ того, напуганный полнотою власти, господствующихъ намъ нимъ авторитетовъ, онъ не находить ни средствъ, ни пути для жалобъ.

Если воспитанникъ обращается въ какую-нибудь правовую инстанцію, даже въ своей личной жизни (не школьной), то и тогда это толкуется, какъ нарушение имъ своего долга, и непослушаніе. Тотъ фактъ, что теперь въ культурныхъ государствахъ граждане принуждены основывать союзы для защиты дѣтей, а государство должно было ввести особые суды для дѣтскихъ проступковъ, показываетъ, что старый, неподвижный принципъ авторитетности не соотвѣтствуетъ больше нашему современному правоощущенію.

Конечно, старшее поколѣніе призвано и имѣеть право предписывать младшему извѣстныя формы жизни, границы ея, но здѣсь именно наступаетъ самый трудный моментъ: ограниченіе и правильное распредѣленіе во всѣхъ отношеніяхъ спорны и, какъ только начинается споръ о подобныхъ вопросахъ, выступаетъ наружу сильное противорѣчіе даже у такихъ людей, которые до сихъ поръ, не задумываясь, отдѣльвались общимъ мѣстомъ, что молодежь просто должна исполнять „свой долгъ“. „Свой долгъ!“ но въ этомъ-то именно и вопросъ. Въ чемъ долгъ юношества? И кто поручится намъ въ томъ, что на юношество возлагаются справедливыя обязанности? Послушаемъ теперь мнѣнія, вынесенныя изъ собственнаго опыта въ области житейскихъ обязанностей,—взрослыхъ людей Германіи, которые должны считаться лучшими представителями ея общественнаго мнѣнія и могутъ свободно высказываться, не стѣсненные никакими служебными соображеніями. Всѣ они горько жалуются на старую, унаслѣдованную оцѣнку понятія „о долгѣ“ при воспитательной работѣ. Здѣсь намъ остается только привести всѣ противоположныя мнѣнія по этому вопросу.

На одной сторонѣ стоятъ люди, которыхъ мы называемъ „фанатиками долга“. По большей части это носители старо-прусскихъ традицій. Они говорятъ „объ искупительной силѣ долга и обязанности“. Они не любятъ разсужденій молодежи; они требуютъ, чтобы юношество „повиновалось приказанію“. Достойнымъ образцомъ для нихъ представляется послушаніе, которое господствуетъ на учебномъ военномъ плацу, и которому, по ихъ мнѣнію, Пруссія и Германія обязаны своимъ политическимъ могуществомъ. Этотъ духъ неумолимо-строгаго долга и послушанія распространился во многихъ областяхъ всей нашей общественной жизни, именно, благодаря военнымъ и политическимъ успѣхамъ Германіи.

Онъ господствуетъ въ своихъ существенныхъ чертахъ въ чиновничествѣ, и такъ какъ наши учителя и учительницы теперь и по числу, и по характеру—преимущественно чиновники, то и въ государственномъ воспитаніи юношества, благодаря составу учителей, которые изъ поколѣнія въ по-полненіе воспитывались въ безусловномъ послушаніи, въ нашихъ школахъ воцарился теперь духъ рабства и несамостоятельности. Въ нихъ господствуетъ такой страхъ отступить отъ путей, предписанныхъ правилами и обязанностями, такая боязнь учителя передъ вопросомъ начальства и подозрѣніемъ, что они дѣйствовали по собственному разумѣнію—что теперь болѣе либеральное высшее школьное начальство должно вести упорную борьбу съ этими фанатиками своего долга, которые не хотятъ использовать дарованныхъ имъ свободъ. Это—картина птицы, которую много лѣтъ держали въ клѣткѣ и которая не можетъ вылетѣть на свободу черезъ открытую дверцу. Чувство отвѣтственности и жажда дѣятельности до такой степени убиты въ нашемъ, управляемомъ и контролируемомъ чиновниками, народѣ, что самые смѣлые думаютъ, что они уже очень многое сдѣлали, когда они заговорили о реформахъ. Впродолженіи цѣлаго ряда десятилѣтій всякая слабая попытка къ самодѣятельности и работѣ по собственнымъ убѣжденіямъ такъ рѣзко отталкивалась и такъ строго наказывалась, что желаніе какихъ-нибудь нововведеній сначала совершенно угасло. Когда же оно подъ вліяніемъ толчка извнѣ опять пробудилось, то оно вылилось въ устройствѣ конгрессовъ, безчисленномъ количествѣ организаций, въ резолюціяхъ; при этомъ опредѣленно обозначалась всегда одна мысль: свалить отвѣтственность съ отдельной личности на общество. Никто не хотѣлъ быть разрушителемъ мира. И теперь не ждуть больше права свободаго движенія, а ждуть чисто по бюрократически предписанія двигаться. Не хотятъ сами стать свободными, а ждуть команды стать свободными. Теперь высшія власти не могутъ освободиться отъ тѣхъ духовъ, которые они сами вызвали. И, если въ разговорѣ съ какимъ-нибудь высокопоставленнымъ школьнымъ чиновникомъ, мы въ наше время высказываемъ желаніе имѣть преобразованную школу, то получаемъ отвѣтъ: дайте намъ сначала новыхъ, преобразованныхъ учителей. Впродолженіи цѣлаго ряда десятилѣтій частныя школы, которыя и такъ уже были подорваны въ самомъ своемъ корнѣ вопросомъ о правахъ, подвергались притѣсненіямъ и закрывались. И такимъ образомъ было парализовано немалое количество самостоятельныхъ педагогическихъ силъ. И онѣ также должны были научиться подчиняться чужимъ взглядамъ и отказываться отъ собственныхъ педагогическихъ идеаловъ. Государство подавило такимъ образомъ сильный педагогическій инстинктъ нѣмецкаго

народа и лишило этотъ инстинктъ его природныхъ жизненныхъ силъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вслѣдствіе этого у насъ теперь ощущается недостатокъ въ самостоятельныхъ педагогическихъ умахъ, и что мы во всей новѣйшей педагогической литературѣ не находимъ именъ, столь-же важныхъ въ наукѣ о воспитаніи, какъ великія имена 18-го столѣтія, которое было такъ необыкновенно плодотворно для воспитанія. Даже самые извѣстные изъ современныхъ школьныхъ дѣятелей—я назову только лучшаго изъ нихъ—какъ Кершенштейнеръ въ Мюнхенѣ, не являются творцами новыхъ педагогическихъ идей, а переносятъ на нѣмецкую почву англійско-американскую воспитательную практику. Къ такому принадлежитъ также, стоящій вѣдъ государственнаго школьнаго дѣла д-ръ Германъ Лицъ. Эти дѣятели и другіе піонеры являются по общему признанію, послѣдователями иностранныхъ педагоговъ. Мы имѣемъ въ этомъ доказательство, что нѣмецкое государственное воспитательное дѣло должно было быть взято на буксиръ иностранными государствами, чтобы сдвинуться съ мертвой точки. И все это продуктъ преувеличенной и ложно примѣненной заповѣди „долга“. Школа и школьный духъ перешли во всю жизнь. Преувеличенный и до смерти загнанный въ школѣ принципъ долга оказался именно, благодаря преувеличенію его, во всѣхъ отношеніяхъ вреднымъ.

Порицая преувеличеніе, мы такимъ образомъ выступаемъ за правильное и умѣренное отношеніе къ принципу. Ни одинъ разумный человѣкъ не подыметъ своего голоса противъ здоровой и справедливой мѣры долга и его добросовѣстнаго исполненія. Мы вѣдь не порицаемъ умѣреннаго спорта, мы возстаемъ только противъ вырожденія спорта въ Англии и Америкѣ. Что распространенныя въ „школѣ, а черезъ нее и въ жизни, понятія о долгѣ“ ложны, мы видимъ также изъ постояннаго скрытаго сопротивленія юношества этой заповѣди. Ученики борются хитростью и притворствомъ, потому что борьба прямая, силой, привела бы къ самоуничтоженію. Ложь и обманъ, цѣликомъ вошедшіе въ жизнь, и какъ-бы оправдываемая система ученическихъ плутней—осуждаютъ преувеличенныя требованія долга. Обязанности, — мы выскажемъ прямо, что думаемъ объ этомъ,—должны быть таковы, чтобы онѣ соответствовали природѣ и способностямъ тѣхъ, на кого онѣ возлагаются. Это не будетъ ни изнѣженность, ни сантиментальная уступчивость, ни отреченіе отъ собственныхъ правъ — это есть только велѣніе разума и справедливости. Я не долженъ требовать отъ охотничьей собаки, чтобы она, на цѣпи стерегла мой домъ. Я не долженъ требовать отъ льва, который, по Божескому и природному праву, долженъ бороться въ пустынь за сохраненіе себя и своего рода, чтобы онъ въ освѣ-

щенномъ электричествомъ циркъ прыгаль черезъ бумажныя обручи, для развлеченія праздныхъ зѣвакъ. Я не долженъ требовать отъ маленькаго негра, который, по своей природѣ, наслѣдственности и общему низкому культурному уровню своихъ соплеменниковъ, предназначенъ для первобытной жизни на лонѣ природы, чтобы онъ освоился съ салонной жизнью современныхъ большихъ городовъ. И здѣсь природа должна быть нашимъ учителемъ: она указываетъ всѣмъ своимъ созданіямъ подходящее для нихъ мѣсто. Она не заставляетъ пальму расти въ сѣверномъ климатѣ, скорѣе дастъ она ей погибнуть. Но тамъ, гдѣ пальма, по природѣ своей, можетъ расти и развиваться, гдѣ такимъ образомъ природа представляетъ ей всѣ нужныя для ея жизни условія—тамъ природа требуетъ роста и получаетъ его.

Въ человѣческой жизни тоже должны, конечно, существовать приказаніе и послушаніе; иначе была бы невозможна ни жизнь цѣлаго общества, ни вмѣстѣ съ этимъ отдѣльной личности. Но все искусство повелѣванія заключается именно въ томъ, чтобы надлежащіе люди были поставлены на надлежащія мѣста, и чтобы имъ вмѣнялось въ обязанность то, что лежитъ уже подготовленнымъ во всей ихъ природѣ.—Этимъ рѣшается также социальная проблема, потому что этимъ путемъ людямъ указаны въ жизни мѣста, соотвѣтствующія ихъ силамъ. Такъ-же бессмысленно давать умственно и духовно неразвитому человѣку силу власти, какъ бессмысленно осуждать, стоящаго высоко въ духовномъ отношеніи чиновника на поденную, подневольную работу. Природа сама указываетъ человѣку его мѣсто. Но неумѣлая социальная политика и неумѣлое воспитаніе дѣлаютъ то, что, какъ однажды вполне справедливо сказалъ Фридрихъ Великій, мы только иногда встрѣчаемъ человѣка на подходящемъ для него мѣстѣ; поэтому у насъ такъ много плохихъ сапожниковъ, министровъ и королей.

Глупая педагогика додумалась до того, что послушаніе и чувство долга лучше всего упражнять на такихъ вещахъ, которыя совершенно чужды и не понятны природѣ ребенка. Занятый новѣйшими житейскими проблемами, поэтъ Геббель принужденъ писать канцелярскія бумаги. Прирожденный канцелярскій писецъ принужденъ читать Антигону Софокла. Рожденный свободнымъ мыслителемъ долженъ всю свою молодость изучать догматическія ученія церкви. Чѣмъ больше отвращеніе, тѣмъ священнѣе долгъ. Здѣсь все направлено, такимъ образомъ, на борьбу и преодоленіе своей природы. Другія творенія природы предпочитаютъ въ такихъ случаяхъ умереть. Птица, которая питается червями, не дастъ себя принудить къ растительному корму, а живущія въ неволѣ высшія челоѣкоподобныя обезьяны умираютъ отъ тоски по родинѣ и меланхоліи. Между всѣми твореніями природы,

человѣкъ есть наиболѣе легко приспособляющееся въ физическомъ и духовномъ отношеніи, особенно въ юношескомъ возрастѣ. Ребенокъ можетъ перенести нѣчто невѣроятное въ смыслѣ ложнаго съ нимъ обращенія. А затѣмъ онъ, вѣроятно, приходитъ въ концѣ концовъ къ покорному признанію: „Все таки это было хорошо; видно, сколько можетъ перенести человѣческое созданіе“. Строгое исполненіе долга такъ сильно восхваляемое въ школѣ, приводитъ къ тому, что наше юношество не находитъ само себя. Но не могутъ же существовать для юношества такія обязанности, которыя заставляютъ ихъ отказаться отъ своей молодости. Если въ прежнія времена прусское министерство устанавливало, какъ обязательную норму, ежедневную 10-часовую умственную работу для юношей между 16 и 20-ю годами, то этимъ оно принуждало юношество къ самоуничтоженію. Самое рѣзкое слово въ этомъ случаѣ не слишкомъ рѣзко. Это не менѣе жестоко и легкомысленно, какъ еслибы учителя по долгу службы хотѣли приучать юношество къ онанизму. И на такую сумасбродную мысль могла-бы набрести какая-нибудь, потерявшая здравый разсудокъ, власть; и это было бы почти желательно для того, чтобы люди не опускались благоговѣнно на колѣни передъ требованіемъ начальственнаго долга, какъ-бы тупо оно ни было. Завоюемъ-же себѣ, наконецъ, въ Германіи право подвергать строгой критикѣ обязательныя требованія нашихъ, такъ много мнящихъ о себѣ, властей. Онѣ установили въ школахъ обязанности, прежде чѣмъ узнать тѣхъ людей, которые должны исполнять эти обязанности. Маленькія шестилѣтнія дѣти должны были согласно предписанію, 3—4 часа сидѣть совершенно тихо, если возможно съ сложенными руками, въ тѣсномъ помѣщеніи, съ плохимъ воздухомъ, и при системѣ строгихъ наказаній. Только теперь признаютъ наши школьныя власти, что юношество обязано физически развиваться; теперь пропускъ, безъ разрѣшенія, урока гимнастики наказывается, какъ уклоненіе отъ своего долга. Но мы-же еще помнимъ, что были времена въ Пруссіи, когда гимнастика запрещалась государствомъ и когда юношество обязано было такимъ образомъ гибнуть физически.

Громадное количество обязанностей, которое наше государство, не встрѣчая сопротивленія со стороны общества, возложило на юношество и его воспитателей, нуждается въ коренномъ пересмотрѣ. И только тогда, когда эти обязательныя требованія будутъ преобразованы въ духъ времени, согласно чувству права и справедливости, соотвѣственно современнымъ научнымъ и педагогическимъ знаніямъ—родители должны будутъ признавать школьныя обязанности, какъ таковыя. Наше общее социальное развитіе само уже дѣлаетъ то, что многочисленныя обязанности, существовавшія

раньше также въ семьѣ, теперь исчезаютъ. Напримѣръ дочери, которыя раньше покорно должны были исполнять различныя домашнія обязанности, свободно выбираютъ себѣ теперь профессію и получаютъ, такимъ образомъ, право самоопредѣленія, котораго наши отцы себѣ даже представить не могли. Выборъ профессіи и вмѣстѣ съ тѣмъ уже и выборъ школы предоставляются мальчикамъ теперь гораздо свободнѣе, чѣмъ прежде. И это ни въ какомъ случаѣ не вредитъ родительскому авторитету. Я не могу этого доказать статистикой, но мнѣ кажется несомнѣннымъ, что домашніе конфликты теперь сдѣлались гораздо рѣже. Какъ только человѣкъ видитъ, что старшіе или начальники налагаютъ на него подходящія обязанности, т. е. такія, при исполненіи которыхъ онъ получаетъ внутреннее удовлетвореніе, такъ какъ исполняются требованія его природы—онъ всегда готовъ охотно повиноваться. Если мы будемъ вести юношество такимъ путемъ, то мы не должны будемъ обязывать его къ послушанію. Тамъ, гдѣ приходится особенно сильно жаловаться на нарушеніе долга и обязанностей, наступила, значитъ, пора для властей пересмотрѣть свои обязательныя требованія. Бисмарку принадлежитъ выраженіе, что всѣ революціи совершаются сверху. Это относится также къ маленькимъ революціямъ въ семьѣ и въ школѣ. Въ заключеніе и здѣсь можно лучше всего судить по успѣху. Если я безъ яркаго подчеркиванія моей власти, по своему желанію и соразмѣрно съ ихъ силами, даю возможность людямъ заниматься пріятной для нихъ работою и достигаю при этомъ большихъ успѣховъ, то этимъ доказано, что мой методъ стоитъ выше метода фанатиковъ долга, которые, несмотря на строжайшій контроль, угрозы, наказанія, создаютъ озлобленныхъ, лживыхъ и рвущихся на волю подчиненныхъ. При этомъ лучшія силы или истощаются въ бесполезной борьбѣ, или раздражаются въ отвратительныхъ конфликтахъ, которые вызываютъ наружу дурныя страсти и приносятъ большія бѣдствія.

ГЛАВА VIII.

К о н ф л и к т ы .

Люди только тогда обращаются къ врачу, когда заболѣваетъ ихъ тѣло, и точно такъ-же родители только тогда обращаются къ воспитателю, когда въ семьѣ возникаютъ тренія и столкновенія съ дѣтьми. Въ такихъ случаяхъ какаянибудь душевная рана уже на лицо, и за помощью обратились слишкомъ поздно. Люди должны были-бы съ такой-же

осторожностью избѣгать конфликтовъ въ семьѣ и школѣ, какъ они стараются избѣгать тѣлесныхъ заболѣваній. Мать съ трогательной заботливостью оберегаетъ своихъ дѣтей отъ простуды, но относится зачастую съ большимъ легкомысліемъ къ развивающемуся взаимному душевному охлажденію. Гдѣ существуютъ правильныя душевныя отношенія между воспитателемъ и воспитанникомъ, тамъ почти никогда не бываетъ конфликтовъ. Конфликты являются вѣдь внѣшнимъ симптомомъ уже существовавшихъ раньше дурныхъ отношеній и недоразумѣній. Часто можно ихъ устранить однимъ ударомъ, стоитъ только перемѣнить окружающихъ. Ребенокъ, который у одного учителя считался упрямымъ, лѣнивымъ, глупымъ, разсѣяннымъ, равнодушнымъ, тупымъ, а потому и малоуспѣвающимъ, расцвѣтаетъ подъ вліяніемъ другого учителя, какъ увядающее растеніе, пересаженное въ другую почву. Мы поступаемъ несправедливо, когда при всякомъ возникающемъ конфликтѣ, ищемъ вину только на одной сторонѣ — у воспитанника. Вначалѣ мы здѣсь вообще не должны говорить ни о чьей винѣ, а должны научно изслѣдовать все неприятое происшествіе, какъ всякій естественный фактъ. Даже и между взрослыми людьми, и какъ разъ такими, которые считали себя самой природой предназначенными другъ для друга, — между супругами — возникаютъ конфликты, которые могутъ привести къ непреодолимому взаимному отвращенію. И судъ считается съ этимъ фактомъ и признаетъ его законность. Какое-же право имѣемъ мы требовать отъ дѣтей, чтобы въ нихъ не проявлялось такое глубоко присущее ихъ природѣ отвращеніе, какъ результатъ ошибки воспитателя.

Именно они больше всего страдаютъ отъ такой подчиненности, которой противится все ихъ внутреннее существо. Очень несправедливо давать дѣтямъ няню, къ которой онѣ чувствуютъ видимую, неопределимую антипатію. Перенесемъ-же, по чувству самой скромной справедливости, это положеніе на насъ самихъ. И мы, взрослые, имѣемъ свои симпатіи и антипатіи, и мы встрѣчаемъ иногда людей, съ которыми не можемъ вступить ни въ какое духовное общеніе, настолько они противны всей нашей природѣ. И мы считаемъ своимъ правомъ избѣгать этихъ людей. Если-же этимъ людямъ дана власть надъ нами, то мы сильно страдаемъ отъ этого, и начинаемъ сомнѣваться и въ своемъ самоуваженіи и въ личномъ достоинствѣ. Въ такихъ случаяхъ мы можемъ избѣгать конфликтовъ, только жертвуя своей личностью, только рабскимъ подчиненіемъ. Но эта внутренняя борьба скоро кончается крушеніемъ. Такого состоянія человѣкъ не можетъ долго переносить, и здѣсь ничего не выиграешь одной доброй волей.

Здоровые люди имѣютъ, конечно, страсти, которыя нужны имъ въ жизни. Нѣмецкая народная душа, къ сожалѣ-

нію, не хочеть больше вспыхивать. Раздаются справедливыя жалобы, что ей недостает способности воодушевляться. Мы не видимъ также гнѣва свободной общественной мысли. Общественное настроеніе не подымается выше очень умѣреннаго градуса. Все это, по моему мнѣнію, опять таки продуктъ нашей церковно-теоретической, бюрократической дрессировки людей. Все намъ неловко, не прилично; нельзя выходить изъ себя или волноваться; нельзя употреблять громкихъ и сильныхъ выраженій; нельзя желать провести свою волю; не нужно противорѣчить. Да, нельзя даже про себя, въ тишинѣ, сжать отъ злости кулаки и произнести проклятіе—все, все, что вамъ даетъ судьба и чужая воля, необходимо принять съ покорностью животныхъ, которымъ природа не дала никакого орудія защиты. Терпѣніе и покорность ягненка—вотъ добродѣтели, которыя проповѣдуются дѣтямъ. А потѣмъ еще удивляются, когда эти дѣти, ставши зрѣлыми мужчинами и женщинами, робко сторонятся, какъ только завязывается борьба мнѣній,—тогда какъ дѣти какъ разъ ищутъ тѣснаго духовнаго сближенія съ людьми, которые являются ихъ руководителями.

Дѣти, отъ которыхъ мы не можемъ и не должны требовать такой ломки своего характера, будутъ всегда очень упорно сопротивляться невыносимымъ для нихъ воспитателямъ. Это упорство является, по ученію старой педагогики, самымъ сквернымъ симптомомъ дѣтской испорченности. И старая педагогическая мудрость гласить, что это упрямство надо сломить. Я не могу признать этой мудрости. Я самъ—а мнѣ уже больше 50 лѣтъ,—еще никогда не встрѣчалъ дѣтей съ необоснованнымъ на чемъ нибудь и не поддающимся никакимъ увѣщаніямъ упрямствомъ. Вѣроятно я покажусь некомпетентнымъ въ этомъ вопросѣ, разъ я рѣшаюсь утверждать, что и непреодолимое упрямство, точно такъ-же, какъ непобѣдимая склонность ко лжи суть ничто иное, какъ ошибки воспитанія. Въ моемъ собственномъ домѣ воспитываются трое дѣтей, которыя не упрямы и не лгуны. Я не считаю этого заслугой, такъ какъ имъ вообще не поддаются поводовъ для проявленія этихъ двухъ недостатковъ. Отъ нихъ не требуютъ ничего такого, что противорѣчило бы чувству справедливости или дѣтской натурѣ. Ихъ справедливыя желанія удовлетворяются въ такой-же степени, какъ и справедливыя желанія взрослыхъ. Отъ нихъ требуютъ послушанія только тогда, когда оно необходимо или диктуется самими обстоятельствами. Поэтому они признаютъ справедливость этого требованія и подчиняются ему безъ громкаго и даже безъ скрытаго сопротивленія. Если-же когда-нибудь появляется сильная вспышка воли, то пусть она вспыхиваетъ—въ пространствѣ. Я не показываю сейчасъ-же угрожающаго кулака.

Отсутствіе собственной воли гонить cadaго на конгрессы, гдѣ опять таки предсѣдатель слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не употреблялись непарламентскія выраженія, не оскорблялась ничья деликатность. Цѣль воспитанія—благопристойность. Благопристойность—это значитъ сдерживать свои внутреннія силы; подчинять собственныя убѣжденія волѣ массы; это значитъ молчать, когда сердце хочетъ громко кричать; это значитъ говорить да, когда умѣстно было-бы энергичное „нѣтъ“. Современное обычное воспитаніе можетъ добиться именно только этой внѣшней благопристойности, которой удастся избѣгать конфликтовъ; но вмѣсто этого онъ создаетъ чувство скрытаго недовольства, недоразумѣнія, шаткій миръ, для котораго приходится отказываться отъ собственныхъ убѣжденій. И домашнему миру оказывается плохая услуга такимъ уничтоженіемъ воли отдѣльной личности. Силы, которыя потомъ должны активно проявляться въ общественной жизни, должны бы раньше развиваться дома. Поэтому мы должны предоставлять дѣтямъ свободу слова, должны имъ также позволять сердиться и выражать свое недовольствіе. Мы должны спокойно выслушивать ихъ, какъ мы выслушиваемъ въ какомъ-нибудь общественномъ собраніи нашего политическаго противника. Мы должны вскрыть возникающій конфликтъ! Только такимъ образомъ возможно разъясненіе и возвращеніе къ доброму согласію. Ничто такъ не вредно для души и для совмѣстной жизни, какъ долго подавляемое недовольство и сдерживаемая злоба. Послѣднее ведетъ затѣмъ къ болѣе сильнымъ взрывамъ, сопровождаемымъ большими опустошеніями, или къ тихому разладу, въ результатѣ остается только физическая совмѣстная жизнь, а душевная умираетъ. Нѣтъ, такимъ образомъ, ничего дурнаго въ томъ, если ребенокъ съ страстнымъ темпераментомъ когда нибудь выходитъ изъ себя. И это также принадлежитъ къ тѣмъ жизненнымъ переживаніямъ, которыя обогащаютъ человѣка. Какимъ образомъ можетъ научиться ребенокъ понимать впослѣдствіи поэзію и раньше всего самую жизнь, когда ему, какъ ужасный грѣхъ, заранѣе и вообще запрещены проявленія какихъ-нибудь сильныхъ душевныхъ волненій. Сильные поступки получаютъ свой толчокъ только отъ сильнаго душевнаго возбужденія. Конечно, къ этому долженъ присоединиться потомъ и направляющій разумъ, но все великое въ мірѣ, родилось изъ страсти. Спокойный и выдержанный Лютеръ или Бисмаркъ—противорѣчіе по существу. И не умаляетъ ихъ славы то, что одинъ бросилъ чернильницей въ дьявола, а другой фарфоровую вазу на полъ. Страсть должна проявиться, и, если когда нибудь уже въ ребенкѣ вспыхиваетъ такой вулканъ, то незачѣмъ приходитъ отъ этого въ ужасъ.

Конечно, для сильныхъ страстей открыто два пути: путь героизма и преступленія. Но преступность—поймемъ-же

это наконецъ—есть въ большинствѣ случаевъ, гдѣ она только не является результатомъ физическаго вырожденія—героизмъ, направленный на ложный путь. Какъ трудно здѣсь провести границу, видно изъ произведеній драматурговъ, которые черпаютъ въ этой области свои глубочайшія проблемы. И исторія, колеблется, большей частью подъ вліяніемъ партійныхъ направленій, въ оцѣнкѣ величайшихъ историческихъ образовъ: Фемистокла, Александра Македонскаго, Цезаря, Валленштейна, Наполеона. Здѣсь подходитъ изреченіе, что юность должна дерзать. Мы не должны закрывать для нея путь къ возможному будущему героизму изъ страха, что она собьется съ этого пути.

Мы можемъ избѣжать или смягчить много домашнихъ сценъ, если мы признаемъ за ребенкомъ это право на проявленіе своего темперамента, страсти, ненависти. Это вовсе не невоспитанность или шалость, когда одинъ мальчикъ, разсердившись опрокидываетъ другого, когда онъ противорѣчитъ учителю, или когда онъ рѣзко отвергаетъ несправедливый упрекъ.

Все это неудобно, иногда страшно—но этого, какъ проявленія природныхъ наклонностей, нельзя строго осуждать въ юность, нельзя непременно, при всѣхъ обстоятельствахъ, подавлять. Англійскіе воспитатели настоятельно внушаютъ своимъ питомцамъ слѣдующее: „старайся примѣшать въ твоей крови желѣзо“, внушаютъ имъ, какъ основное правило жизни, какъ совѣтъ. Воспитатель долженъ, конечно, быть очень дальновиденъ и имѣть большое самообладаніе, чтобы выносить такія дѣтскія вольности. Но вѣдь это и есть задача воспитателя, который долженъ имѣть постоянно передъ глазами будущее и работать надъ созданіемъ всего человѣка, а не бороться только съ нѣкоторыми неудобными симптомами. И все время надо твердо придерживаться того, что при правильномъ строѣ жизни юность не находитъ повода къ страстнымъ вспышкамъ по отношенію къ воспитателю. Если-же молодежь возмущается дѣйствительной несправедливостью, на примѣръ, какимъ нибудь мучителемъ животныхъ, поджигателемъ или еще больше—когда она такъ возмущается личной къ ней несправедливостью—то мы тогда не имѣемъ повода для осужденія. И, если мы, разбирая такіе случаи, правильно оцѣнимъ всѣ достойныя вниманія факторы, то мы придемъ также къ правильному выводу и мѣрамъ. Здѣсь именно должно проявить себя искусство воспитателя. Это—тѣ тяжелые, интересные случаи, которые для воспитателя имѣютъ то-же значеніе, что трудные, интересные медицинскіе случаи для врача. Обще-обязательныя правила ничему не помогаютъ; онѣ могутъ только послужить причиной новыхъ домашнихъ конфликтовъ. При проявленіи такихъ сильныхъ вспышекъ у ребенка надо главнымъ образомъ

обратить вниманіе на то, имѣемъ-ли мы дѣло съ сильнымъ и здоровымъ инстинктомъ, или съ болѣзненной раздражительностью.

Мы требуемъ поэтому во всѣхъ такихъ случаяхъ такого-же осмотрительнаго діагноза, какой ставитъ врачъ при всѣхъ тѣлесныхъ заболѣваніяхъ. Да, задачи совпадаютъ, такъ какъ душа такъ неразрывно связана съ тѣломъ.

Самая трудная проблема воспитанія, а именно, до какихъ предѣловъ надо доводить принципъ самообладанія— пусть и остается открытой проблемой. Тотъ фактъ, что истинно великіе люди, которымъ челоѣчество обязано своими важнѣйшими успѣхами, были въ большинствѣ страстными натурами, долженъ бы заставить насъ поколебаться въ прямолинейномъ требованіи постоянного самообладанія. Человѣкъ долженъ имѣть возможность выходить изъ себя, чтобы потомъ имѣть возможность опять основательно брать себя въ руки. И воспитаніе, которое здѣсь нужно, должно быть самовоспитаніемъ, а не только давленіемъ и помѣхой извнѣ. И здѣсь также жизненный опытъ самъ—слѣдовательно опять таки природа—создаетъ нужныя лечебныя средства и здоровое равновѣсіе. Опытъ долженъ учить каждаго отдѣльнаго челоѣка, въ состояніи ли онъ сопровождать свои сильныя страсти сильными-же и полезными дѣлами. Надо бояться, чтобы слишкомъ рано сломленная воля не осталась навсегда такой. Намъ нужны люди съ сильной волей. Обуздываніе собственной воли не должно вести къ аскетизму ни въ какой области. Великій воспитатель Спенсеръ, которому англійскій народъ обязанъ большою благодарностью за образованіе своего національнаго характера, сказалъ слѣдующее: „Аскетизмъ исчезаетъ изъ жизни и изъ воспитанія. Изъ независимаго англійскаго мальчика развивается независимый англичанинъ. Вы не можете имѣть одного безъ другого“. Борьба съ волей не должна такимъ образомъ вести къ уничтоженію собственной воли, а только къ образованію и направленію ея. Человѣкъ долженъ научиться такъ-же искусно формировать нетронутую силу своей воли, какъ мастеръ формируетъ неотдѣланную глыбу мрамора. Аскетизмъ, умерщвленіе плоти а вмѣстѣ съ тѣмъ и воли, не дало намъ культурныхъ работниковъ а только отрицателей жизни. Тогда было-бы уже лучше уничтожить самую жизнь, чѣмъ сохранить только внѣшнюю ея тѣнь. Человѣкъ долженъ имѣть мужество изжить свою жизнь всецѣло—долженъ такимъ образомъ имѣть также мужество не бояться страстей и голоса природы. Отсюда происходитъ борьба — но вѣдь и она также законъ природы. Только въ борьбѣ сохраняется и развивается челоѣкъ. Только въ борьбѣ проявляются силы, а слабые отгѣсняются на подходящее для нихъ мѣсто. Этимъ самымъ мы заявляемъ себя противниками смиренія. Сильный

волей будетъ чувствовать свою рыцарскую обязанность защищать также слабыхъ. Только тамъ, гдѣ слабый захочетъ упрямо стать на его пути и въ силу своей слабости потребуетъ себѣ большихъ правъ—только тогда сильный будетъ бороться съ этимъ по закону естественному и человѣческому. Обезсиленные могутъ сохранять свое могущество, только благодаря тому, что государство гарантируетъ и охраняетъ ихъ авторитетъ. Но такое положеніе вредно при всѣхъ обстоятельствахъ и для всѣхъ, кого оно затрагиваетъ. Мумифицированіе уже мертвыхъ внутри авторитетовъ противорѣчитъ разуму и продолжается только короткое время, пока „не пробуждается природа, и время, и нужда не коснутся своими тяжелыми желѣзными руками пустаго зданія“.

ГЛАВА IX.

Личность.

Воспитательный механизмъ, отъ котораго мы страдали въ послѣднемъ столѣтіи, ставилъ передъ собой не слишкомъ высокія цѣли, и черезчуръ косо держался избранныхъ путей. При этомъ еще до нѣкоторой степени создавались среднія дюжинныя личности. Но не было такого очага, который способствовалъ-бы развитію и выработкѣ личностей, что въдѣ главнымъ образомъ нужно—тѣхъ выдающихся умовъ, которые призваны быть вождями массъ. Постоянно повторяемый отвѣтъ, что школы предназначены для средняго человѣка—нужно отвергнуть, какъ несправедливое. Школа не должна, конечно, не считаться съ среднимъ человѣкомъ. Каждый долженъ получить въ ней то развитіе, которое соответствуетъ его природѣ. Но не слѣдуетъ, ради пользы слабыхъ, затруднять или дѣлать совершенно невозможнымъ развитіе сильныхъ.

Домашнее воспитаніе ограничивается большей частью выработкой такъ называемыхъ внѣшнихъ приличій; хорошія манеры, конечно, полезны и необходимы, но онѣ должны выходить изъ общихъ хорошихъ общественныхъ нравовъ—не какъ искусственный продуктъ воспитанія, а какъ приспособленіе къ существующимъ, для всѣхъ обязательнымъ, формамъ жизни. И здѣсь опять таки сила примѣра должна сдѣлать излишнимъ дальнѣйшее воспитаніе и въ особенности теоретическое изученіе. Хорошія манеры должны также быть не только внѣшними формами, но и свободнымъ выраженіемъ внутренней жизни. Иначе онѣ являются „манерами на прокатъ“, какъ говоритъ Вальтеръ, внѣшнимъ лоскомъ, который не выдерживаетъ серьезнаго испытанія. Хорошія ма-

неры молодыхъ студентовъ корпорантовъ и кадетовъ, которыя въ значительной степени проникають въ наши гражданскіе круги, имѣють много чисто внѣшняго и потому смѣшного, и, перенесенныя въ неподходящіе круги общества, становятся совершенно карикатурными. Сословные обычаи и манеры офицерскихъ и дворянскихъ круговъ, перенесенные безъ измѣненій въ купеческіе круги, являются тамъ чужими и разрушительными. И наоборотъ: каждый народъ и каждый общественный классъ долженъ создать себѣ свои собственные обычаи и манеры, которые гармонировали бы съ условіями ихъ жизни. И здѣсь также естественность есть выраженіе истиннаго благородства, она создаетъ и въ народномъ быту благопристойныя формы общенія. Если кто-нибудь слишкомъ много занимается выработкой внѣшнихъ манеръ у дѣтей, то ему грозитъ опасность вывести ихъ изъ ихъ внутренняго равновѣсія и разрушить присущую имъ правдивость. Результаты такихъ преувеличенныхъ стараній навязать уже дѣтямъ зрѣлые и перезрѣлые обычаи и манеры взрослыхъ мы видимъ на смѣшныхъ, умныхъ не по лѣтамъ модныхъ дѣтяхъ—куклахъ и на молодыхъ франтахъ большихъ, а теперь уже и маленькихъ городовъ. Самыя необходимыя внѣшнія формы приличія должны быть привиты уже маленькимъ дѣтямъ путемъ привычки. Все остальное нужно предоставить инстинкту подражанія, общественному примѣру и общему физическому и духовному развитію, предполагая, конечно, что ребенокъ живетъ въ подходящей для этого средѣ.

Мы не должны придавать всему этому слишкомъ важнаго значенія, что изъ за этого не пренебречь или не забыть совсѣмъ болѣе важнаго. Самымъ-же важнымъ является развитіе личности. Человѣкъ не долженъ стараться только, или преимущественно, стать равнымъ между равными. Это не очень тяжелый для него упрекъ—что онъ отличается отъ другихъ. Хотя общество зачастую именно такъ относится къ отличающемуся отъ общаго уровня человѣку—но противъ этого мы должны протестовать. Человѣкъ вообще, а особенно нѣмцы, нуждаются въ томъ, чтобы ему дали возможность и право индивидуально-свободнаго развитія. Въ Англіи, какъ наблюдалъ уже Гёте, человѣкъ имѣетъ возможность стать совершеннымъ въ своемъ родѣ; въ отдѣльныхъ случаяхъ это иногда приводитъ къ глупому чудачеству, но это все таки означаетъ кое-что на вѣсахъ природы, говоритъ онъ. Чѣмъ больше современная жизнь работаетъ надъ одинаковымъ обмундированіемъ—физическимъ и духовнымъ—всѣхъ людей, тѣмъ труднѣе пробивается своеобразная индивидуальность отдѣльнаго человѣка. Въ Германіи уже исчезаютъ всѣ выражающіяся въ одеждѣ и въ діалектѣ мѣстныя отличія. Одежда европейскаго общества уже становится

интернаціональної. Негръ также уже носить сюртукъ, цилиндръ и лайковыя перчатки. Благодаря строго организованной партійной жизни и принужденію государственнаго законодательства, воля отдѣльной личности втиснута съ рожденія до могилы въ строго ограниченныя шаблонныя рамки. Сюда присоединяется тяжелая матеріальная борьба, которая заставляетъ большинство людей идти на службу къ власти имущимъ, предписывающимъ имъ и содержаніе и формы жизни. Такимъ образомъ то обстоятельство, что въ наше время только съ трудомъ могутъ развиваться свободныя и самостоятельныя личности, является результатомъ всего нашего соціального и экономическаго развитія. Мы почти уже отучились желать ихъ появленія, почти уже забыли, что такое въ сущности личность. Мы довольствуемся въ повседневной жизни общеніемъ съ людьми, которые почти автоматически изображаютъ собой черты своего общественнаго класса, и мы удивляемся, когда какой-нибудь высокопоставленный военный, или какой-нибудь тайный совѣтникъ высказываетъ взгляды, отступающіе отъ образа мыслей другихъ членовъ ихъ сословія. Въ наше время либеральный тайный совѣтникъ—это ненормальное явленіе,—вызывающее къ себѣ недоувѣріе. Фабрикація образа мыслей и мнѣній приобрѣла тиранническую силу во всѣхъ классахъ общества. Мы наталкиваемся почти исключительно на массовыя мнѣнія. Жизнь совершается по рѣшеніямъ и приказаніямъ большинства. Но странно то, что нѣмецъ еще не доволенъ количествомъ существующихъ жизненныхъ препятствій; въ каждомъ новомъ случаѣ онъ долженъ обезпечить себѣ поддержку другихъ людей учрежденіемъ союзовъ и обществъ съ опредѣленными статутами. И въ наше время еще охотно повторяется мнѣніе, что нѣмецъ—прирожденный индивидуалистъ и потому неспособенъ къ практической политикѣ. Въ доказательство приводится разбившаяся на разныя отдѣльныя партіи политическая жизнь. Мнѣ кажется, что нѣмцы точно также, какъ и другіе германскіе народы, какъ Англичане и Сѣверо-Американцы обладаютъ еще въ большей степени, чѣмъ другіе, силой и волей подчинять волю отдѣльной личности волѣ массъ. Если-же нѣмцы въ наше время являются политически-пассивными, то это есть слѣдствіе политическаго гнета, который они переносили въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Рѣдко нашему народу было дано счастье жить по своей собственной волѣ, и когда проявлялась иногда такая сильная національная воля, то правительство или церковь создавали сейчасъ-же противное движеніе и вызывали этимъ внутреннюю борьбу и расколъ въ народѣ. Мы до сихъ поръ страдаемъ отъ послѣдствій несчастной политики. Великое реформаціонное движеніе было въ полномъ расцвѣтѣ, когда императорская династія, враждебная нѣмецкому народу и

толкаемая чужими государствами, разрушила этот великий подъем народного духа. И такое зрѣлище повторялось постоянно, и конечнымъ результатомъ должно было явиться сознаніе, что политическая дѣятельность отдѣльныхъ личностей должна быть оставлена, какъ бесплодная. Благодаря этому сознанію, и развилась, къ сожалѣнію, такъ сильно политическая партійная жизнь.

Отдѣльный человѣкъ ничего больше не значить въ современной жизни. Мы видимъ это на примѣрѣ всѣхъ одаренныхъ большими политическими способностями и выдающихся людей истекшаго столѣтія. Даже Бисмаркъ долженъ былъ-бы остаться внѣ какой-нибудь дѣятельности, еслибы онъ не былъ на службѣ у короля, и такимъ образомъ не опирался бы на силу войска. Мы не имѣемъ въ современной политической жизни ни одного человѣка, который имѣлъ-бы какое-нибудь рѣшающее вліяніе на политическія дѣла, только въ силу своихъ личныхъ дарованій. Вліяніе каждаго изъ нихъ велико постольку, поскольку велико число стоящихъ за нимъ избирателей. И въ самомъ парламентѣ политическій дѣятель побѣждается численностью своихъ противниковъ. Такимъ образомъ возраженіе, приводимое нашей педагогикѣ съ ея стремленіемъ къ выработкѣ сильной личности, и состоящее въ томъ, что нѣмецъ самъ по себѣ, какъ въ старыя времена, упрямъ и живетъ только своей собственной головой—безусловно ложно. Можетъ быть это и было когда-то, но уже давно и основательно вытравлено. Но если нѣмецкій народъ призванъ сыграть великую роль еще и въ будущемъ, то, чтобы быть въ состояніи исполнить свое призваніе, онъ долженъ воспитывать и развивать личность. Жизнь народовъ находитъ свое выраженіе въ сильныхъ и великихъ личностяхъ изъ народа. Для того, чтобы могли вырасти и развиваться отдѣльныя великія личности, весь народъ, вся масса должна быть воспитана въ духѣ развитія личности. Выдающіеся люди не должны быть чужды по своему существу той массѣ, изъ которой они вышли; они должны быть только выше массы—иначе они останутся непонятыми ею и не смогутъ вліять на нее. Тамъ, гдѣ въ народѣ нѣтъ вообще много развитыхъ личностей, тамъ не будетъ и великихъ личностей. Мы не должны смотрѣть на послѣднихъ, какъ на щедрый даръ природы, и ихъ мы тоже должны завоевывать трудомъ, какъ все на землѣ. И они являются въ концѣ концовъ продуктами культуры. Воспитаніе не можетъ создать великихъ личностей, но оно можетъ подготовить почву для ихъ развитія. Мы, воспитатели, должны заботиться о томъ, чтобы силы, способности, таланты во всѣхъ областяхъ, находили себѣ поддержку въ націи. Это возможно только тогда, когда въ націи живо стремленіе къ свободной личности и пониманіе ея. Нужно научиться

выносить и цѣнить великихъ людей. Этому нѣмецкій народъ еще не научился. У насъ на всякаго новаго генія смотрятъ, какъ на дерзкаго пришельца. Только послѣ смерти мы прощаемъ ему его культурную работу. Тогда мы воздвигаемъ ему памятники, тогда профессора въ университетахъ читаютъ о немъ лекціи и пишутъ комментаріи къ тѣмъ сочиненіямъ, которыхъ они не удостоивали своимъ вниманіемъ при жизни своего покойнаго коллеги, или противъ которыхъ съ озлобленіемъ боролись. Должны-ли мы для этого жестокаго утвержденія привести доказательства изъ сотни біографій? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Я высказываю общеизвѣстную истину. Если это общая человѣческая судьба? Постигаетъ точно такая-же судьба великихъ людей и у другихъ народовъ? Такая-же точно — во всякомъ случаѣ — нѣтъ. Есть народы, которые сейчасъ же съ сердечностью и восторгомъ принимаютъ свои молодые таланты, считая ихъ честью своей націи.

Намъ остается только въ этой книгѣ о воспитаніи отвѣтить на вопросъ, что надо сдѣлать для дѣтей и слѣдовательно для всего народа, въ цѣляхъ осуществленія роста свободной личности. Самое существенное объ этомъ вопросѣ мы сказали уже раньше; все предыдущее имѣло цѣлью дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Я хочу только еще разъ подчеркнуть въ заключеніе, что самое главное—это узнать натуру дѣтей; отыскать, поднять и развить въ нихъ тѣ силы, которыя стремятся къ развитію; удалять отъ нихъ то, что пугаетъ, мѣшаетъ и мучитъ тѣло и душу; удалять отъ нихъ также все лишнее, что не нужно организму; все, что является только внѣшнимъ налетомъ и украшеніемъ; все, что въ школѣ, выражаясь педагогически, „вдалбливается“ юношеству; все, что не воспринимается охотно и не перерабатывается внутреннимъ міромъ ребенка. Такъ какъ отдѣльная личность и весь институтъ воспитанія не въ состояніи исполнить этой важной жизненной задачи, то нужно поставить молодого человѣка со всѣми его силами и инстинктами въ центръ самой жизни, въ которой онъ стоитъ уже и такъ, съ самаго часа своего рожденія. Тамъ на него будутъ оказывать свое вліяніе великіе воспитательные факторы, а именно, кромѣ собственной природы, окружающій его міръ въ полномъ смыслѣ этого слова. Жизнь сама лучшій воспитатель и чѣмъ меньше мы вмѣшиваемся въ ея работу, тѣмъ вѣрнѣе это приводитъ къ цѣли. Ростъ совершится тогда въ естественномъ развитіи, отъ груди матери, въ дѣтской, далѣе въ родительскомъ домѣ, въ саду, на улицѣ, на родинѣ — въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, захватывая весь широкій міръ, общество—сначала своихъ сверстниковъ, затѣмъ товарищей по профессіи, затѣмъ соплеменниковъ, въ заключеніе переходя границы отечества къ чужимъ народамъ, и только потомъ

къ изученію исторіи своего собственнаго народа и чужихъ народовъ. И такимъ образомъ развитіе расширяется отъ самаго тѣснаго домашняго до универсальнаго образованія, но для каждаго человѣка въ самомъ существенномъ, по собственнымъ законамъ развитія. Потому что, то, что для одного является желанной пищей на десятомъ году, другой требуетъ только на двадцатомъ. Определенныя и застывшія схемы воспитанія и ученія будутъ пригодны только для немногихъ, для большинства онѣ явятся оковами. Ученіе о воспитаніи не отвѣтственно за то, какъ отдѣльныя семьи и школы будутъ примѣнять на практикѣ выставленныя имъ положенія. Оно можетъ только ставить извѣстныя требованія и обосновывать ихъ; можетъ также дѣлать предложенія (и это я пробовалъ дѣлать и здѣсь, и еще въ другихъ мѣстахъ много разъ, а въ слѣдующей части это будетъ сдѣлано еще обстоятельнѣе), но оно не можетъ реформировать собственными силами и своей властью все дѣло воспитанія, указывая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ способъ практическаго выполненія выставленныхъ имъ требованій.

Провести эти требованія на практикѣ—это задача всего народа. Ученіе о воспитаніи можетъ выставить только принципы воспитанія и рекомендовать ихъ общественному вниманію для испытанія. Чѣмъ больше будетъ въ Германіи свободныхъ личностей, тѣмъ больше въ ней найдется готовности пойти по пути воспитанія, которое ставитъ себѣ конечной цѣлью—опять таки—развитіе свободной личности.